

A man and a woman are standing on a stone wall, looking out over a vineyard and the sea at sunset. The man is on the left, wearing a brown jacket and dark pants. The woman is on the right, wearing a light-colored shirt and trousers, with her hand resting on the wall. The background features a hillside with a stone building, a vineyard, and the ocean under a golden sky. A large tree with yellow leaves is on the left.

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

ПАМЯТЬ СОЛНЦА

Сергей Старики

Память солнца

«Автор»

2026

Стариди С.

Память солнца / С. Стариди — «Автор», 2026

Писатель Дмитрий Градов приезжает на черноморскую винодельню «Северинские террасы», чтобы подготовить историю нового игристого вина. Одиннадцать дней назад погиб её владелец Виктор Северин. Его дочь Александра должна удержать хозяйство, команду и презентацию, от которой зависит будущее винодельни. Но чем глубже Дмитрий погружается в семейные архивы, тем яснее становится: красивая история «Северинских террас» построена на умолчаниях. Старые документы исчезают, свидетели лгут, а за легендой знаменитого вина скрывается имя, которое кто-то очень хотел стереть. И смерть Виктора всё меньше похожа на несчастный случай. Чтобы вернуть правду своей семье, Александре придётся разрушить легенду, созданную отцом, поставить под угрозу будущее винодельни и решить, можно ли довериться человеку, который приехал написать красивую историю — и нашёл совсем другую. «Память солнца» — роман о семейной тайне, цене правды и зрелой любви среди виноградарей Черноморского побережья.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

-	5
Глава 1. Сбор	6
Глава 2. Прессование	21
Глава 3. Сусло	34
Гл	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Старики

Память солнца

-

Любови Шатиловой —

за вино, терпение и за то, что помогла этой истории обрести вкус и послевкусие.

Глава 1. Сбор

Море появилось справа не сразу.

Сначала за окном тянулись выжженные сентябрьским солнцем склоны, серые полосы щебня у обочины, редкие сосны с пыльными лапами и сухая трава, будто её забыли полить ещё в июле. Потом дорога сделала длинный поворот, машина нехотя взобралась выше, и между двумя каменистыми уступами вдруг блеснула узкая серебристая полоса.

Дмитрий Градов понял, что это море, только через секунду.

Не синий простор, не яркая открытка, не рекламная заставка для курортного ролика, а именно полоса — холодная на вид, слишком яркая после полутёмного вагона и бессонной ночи в поезде. Она мелькнула, исчезла за склоном, потом снова появилась ниже, уже шире, но всё равно как намёк, а не как обещание.

В машине пахло пылью, дешёвым освежителем и чем-то солёным, что просачивалось даже через закрытые окна. Кондиционер жил своей отдельной жизнью: то вдруг бил ледяным воздухом по коленям, то уставал, начинал гудеть и выпускал в салон тёплое дыхание пластика.

Дмитрий сидел на заднем сиденье, вытянув ноги под переднее кресло, и чувствовал себя человеком, которого вынули из поезда недостаточно осторожно. Рубашка помялась. Голова была тяжёлой. На языке держался вкус вагонного чая, металлической ложечки из стакана в типовом подстаканнике и чужих разговоров за тонкой перегородкой.

Водитель оказался мужчиной лет пятидесяти, плотным, загорелым, с короткой седой щетиной и манерой вести машину так, будто серпантин был не дорогой, а давним знакомым, с которым иногда можно позволить себе лишнее.

Он посмотрел на Дмитрия в зеркало.

— Вы к Севериной?

Дмитрий не сразу понял вопрос. Фамилия прозвучала не как адрес, а как принадлежность к местности: к морю, к ветру, к этим склонам.

— К винодельне, — ответил он.

Водитель хмыкнул.

— Теперь это почти одно и то же.

Машина обогнала старый грузовик с ящиками. На повороте колёса пошли по мелкому щебню, и Дмитрий машинально взялся за ручку двери. Водитель будто не заметил ни щебня, ни поворота, ни того, что справа на несколько секунд открылся довольно убедительный вид вниз.

Там, далеко под дорогой, лежали виноградники. Ровные ряды лоз спускались по склону к морю с такой дисциплиной, что Дмитрию почему-то вспомнились не южные открытки, а школьные линейки. Земля между рядами была светлой, сухой, почти белой. В некоторых местах виднелись люди, ящики, маленький трактор. Красоты в этом было много, но лёгкости — мало.

— Сбор начался? — спросил Дмитрий, скорее чтобы поддержать разговор.

— Начался, — сказал водитель. — У них сейчас самое время. Виноград ждать не будет, даже если хозяин умер.

Он произнёс это спокойно, без нажима, но Дмитрий всё равно посмотрел на него в зеркало.

— Хозяин?

— Виктор Павлович Северин. Недели полторы назад. Вы разве не в курсе?

Дмитрий был в курсе ровно настолько, насколько принято быть в курсе человеку, которому платят за презентационный текст, а не за участие в семейной трагедии. Инга Руденко, позвонившая ему четыре дня назад, сказала: “У нас сложная ситуация, но вам всё объяснят на месте”. Потом добавила: “Главное — не давить на траур. Нам нужен светлый текст”.

Светлый текст.

Для вина, которое называлось «Память солнца».

Для семейной винодельни, где недавно умер человек.

Дмитрий тогда уточнил только сроки и гонорар. Гонорар оказался достаточно убедительным, чтобы юг в сентябре показался не бегством, а рабочей поездкой.

— Мне сказали, что он погиб, — осторожно ответил Дмитрий. — Несчастный случай?

Водитель чуть повёл плечом. Не пожал — именно повёл, будто сбросил с него невидимую пылинку.

— Так говорят.

— А было иначе?

— Я откуда знаю? — слишком быстро сказал водитель и тут же смягчил голос: — Ночью спустился в старый погреб. То ли проверить что-то хотел, то ли забрать. Ступени там старые, сырость. Упал. Ударился. Нашли не сразу.

Он замолчал, пропуская встречную машину. Дорога стала уже, слева поднялась каменная стена, справа снова показалось море — теперь ближе, но всё ещё недоступное, отрезанное склонами и виноградниками.

— Возраст, давление, старый погреб, — продолжил водитель. — Всё бывает.

Дмитрий услышал в этой фразе то, что слышал в плохих интервью: слова были правильные, но стояли не на своих местах.

— Но вы не верите?

Водитель улыбнулся уголком рта.

— У нас, знаете, если человек сам упал, люди обычно уверенно говорят: сам упал. А тут почему-то: “ну, всякое бывает”.

Он произнёс это почти лениво, но в машине вдруг стало тише. Даже кондиционер, кажется, на секунду перестал гудеть.

Дмитрий отвернулся к окну.

По склонам тянулись лозы. В некоторых рядах уже работали люди: нагибались, поднимали ящики, вытирали лица рукавами. Солнце висело высоко и бесцеремонно, не оставляя вещам права на полутень. Всё было слишком явным: камень, пыль, листья, море, белая дорога. И при этом водитель только что дал понять, что самое важное здесь сказано не будет.

Телефон в кармане коротко дрогнул. Дмитрий достал его, посмотрел на экран и несколько секунд держал палец над уведомлением.

Сообщение было от Лены — напоминание о дне рождения Ани. Дмитрий прочитал и закрыл экран.

Дочери исполнилось восемнадцать через два дня. Формально он помнил. Практически — снова получил напоминание от бывшей жены, потому что память у него лучше работала на чужих сюжетах, чем на собственных датах.

Когда-то Лена сказала ему, что он умеет подбирать точные слова ко всему, кроме живого человека рядом. Дмитрий тогда обиделся, потому что фраза была несправедливой. Позже понял, что несправедливой она была только по форме.

Он убрал телефон.

— А презентация когда? — спросил водитель.

— Через две недели. Кажется.

— Быстро они.

— Виноград ждать не будет, — напомнил Дмитрий.

— Виноград — нет, — согласился водитель. — У него свои сроки.

Он сказал это так, будто у людей были свои, менее надёжные.

Инга говорила, что нужно написать текст для запуска нового игристого. Семейность, солнце, море, терруар, преемственность. “Только без тяжести, Дмитрий. Нам нужно чувство,

но не драма”. Он тогда записал это в блокнот почти автоматически: чувство без драмы. Любимый заказ всех, кто хочет продать боль, но не хочет платить за её последствия.

В вине Дмитрий разбирался просто: если после первого глотка хотелось жить — хорошее; если хотелось срочно закусить — сложное; если хотелось позвонить бывшей — опасное.

Этого уровня экспертизы едва ли хватило бы для разговора с виноделом. Зато он понимал другое: как люди прячут смысл за красивыми словами, как в официальных версиях появляются слишком ровные края, как пауза иногда сообщает больше, чем абзац.

Машина миновала знак с выцветшей надписью: **Соляная Балка**.

Водитель сбросил скорость.

— Вот Соляная, — сказал он. — Дальше вверх пойдём. Северинские террасы над посёлком.

— Далеко?

— Минут десять, если без фур. Дорога там узкая. Зато красиво.

Он помолчал, потом добавил уже обычным, почти бытовым тоном:

— Старые погреба у них хорошие. Холодные. Ещё с тех времён, когда на красивую вывеску денег не было.

Дмитрий повернулся к нему.

— Вы там бывали?

— Кто ж тут не бывал, — сказал водитель. — На экскурсии народ возил. До истории с Виктором Павловичем туда всех водили. Теперь, говорят, пока закрыли.

— Из-за следствия?

Водитель снова посмотрел в зеркало и впервые за всю дорогу улыбнулся без всякой улыбки.

— Пока закрыли, — повторил он. — После такого обычно закрывают.

Машина катилась по главной улице Соляной Балки медленнее, чем позволяла дорога. Вернее, сама улица не позволяла ехать быстрее: то перед капотом возникал человек с сеткой персиков, то у обочины открывалась дверца припаркованной машины, то из переулка выкатывался мальчишка на велосипеде с таким видом, будто правила движения в посёлке существовали исключительно для приезжих.

Слева, за низкими домами и заборами, мелькнула набережная — узкая, выгоревшая, с несколькими лавочками под облупленными навесами. За ней лежало море. Не торжественно далёкое, как с верхней дороги, а будничное: с полоской водорослей у камней, ржавой лестницей, уходящей в воду, и двумя женщинами в купальниках, которые сидели на полотенцах и ели кукурузу из бумажного пакета.

Море здесь было уже не видом, а присутствием. Оно чувствовалось в воздухе, в соли на стёклах, в выгоревших занавесках кафе, в ленивом движении людей, которые давно привыкли жить рядом с тем, ради чего другие покупали билеты на самолёт.

У кафе под тентом стояли пластиковые стулья. На одном спал рыжий кот, занимая место с уверенностью постоянного клиента. Рядом пожилые мужчины в панاماх играли то ли в нарды, то ли в долгую игру взглядов, для которой доска служила лишь предлогом. Один поднял голову, проводил машину глазами и что-то сказал остальным. Те тоже посмотрели.

Дмитрий поймал себя на том, что здесь слишком быстро становишься видимым. В Москве можно было три недели ходить мимо одного и того же человека у кофейни и ни разу не стать событием. В Соляной Балке незнакомая машина с чужим пассажиром уже превращалась в тему для обстоятельного разговора.

Мимо проплыл рынок — несколько рядов под навесами, ящики с инжиром, помидоры, виноград, пахнущие солнцем дыни, пластиковые бутылки с домашним соком без этикеток. В воздухе смешивались запахи горячего хлеба, жареной рыбы, пыли и сухой травы. Где-то за

домами работал генератор или старый холодильник, гудевший настойчиво, как муха в пустой комнате.

— В сезон тут веселее, — сказал водитель, будто оправдывался за посёлок. — В августе пройти негде. Сейчас уже попустило.

— А вам так лучше или хуже?

— Нам? — водитель усмехнулся. — Нам всегда как-нибудь. Летом шумно, зато деньги. Осенью тихо, зато можно вспомнить, кто ты такой.

Дмитрий посмотрел на него в зеркало, но водитель не стал развивать мысль.

Посёлок быстро кончился. Последние гостевые дома остались позади, асфальт сузился, дорога пошла вверх. Машина миновала щит с рекламой дегустаций: на нём бокал искрился на фоне моря, а рядом золотыми буквами было написано: «**Северинские террасы. Вино, в котором живёт солнце**». Чуть ниже кто-то наклеил маленькое объявление о продаже мёда, закрывшее часть слова «солнце».

Водитель свернул на подъём.

Здесь всё изменилось почти сразу. Курортная лень посёлка исчезла, как выключенная музыка. Начались виноградники — уже не дальними правильными полосами, а близко, почти вплотную к дороге. Лозы стояли рядами по склону, подвязанные, пыльные, с подсохшими по краям листьями. Между ними тянулись чёрные трубки капельного полива. В низких местах земля была сбита колёсами, возле обочины лежали пустые ящики. Пахло разогретым камнем, листьями и чем-то кислым, едва уловимым, словно уже начавшимся брожением.

Люди работали молча или почти молча. Несколько женщин в широкополых шляпах перебирали грозди у пластиковых контейнеров. Мужчина в выцветшей футболке поправлял сетку. Маленький трактор, весь в белой пыли, тянул прицеп с ящиками и двигался так медленно, будто вёз не виноград, а чью-то накопившуюся усталость.

Дмитрий почему-то ожидал от виноградников праздничности. Наверное, виноваты были этикетки: на них виноград всегда выглядел благородно, винодельни — залитыми мягким светом, а люди — вдохновенно отсутствующими, чтобы не мешать красоте. Здесь же красота требовала спины, рук, пота, раннего утра и терпения.

Место, где делают праздничное вино, вовсе не выглядело праздничным.

Здесь всё было про свет, запах и серьёзную работу, но почему-то не про лёгкость.

— Их виноградники? — спросил Дмитрий.

— Часть свои, часть в аренде. Где как. Северин много земли собрал.

— Купил?

Водитель покосился в зеркало.

— И купил тоже.

Ответ был коротким, но в нём снова осталось пустое место.

Дорога сделала ещё один поворот, и винодельня показалась наверху.

Сначала Дмитрий увидел новый корпус — светлый, вытянутый, с большими окнами и ровной линией террасы. На солнце стекло казалось почти чёрным. Над входом висел строгий логотип: тонкая линия склона, гроздь и название «**Северинские террасы**». Чуть ниже, под новым фасадом, виднелась старая каменная часть — приземистая, с узкими окнами и арками, потемневшими от времени и сырости. Она выглядела так, будто новый корпус не построили рядом, а поставили сверху, заставив старое держать на себе красивое.

Справа от здания шумел служебный двор. Там стояли пластиковые ящики, металлические ёмкости, погрузчик, бочки под навесом, белый фургон с открытой задней дверью. Рабочий в серой кепке ругался с кем-то по телефону. Двое катили шланг. У забора сидела собака и наблюдала за происходящим с выражением старшего смены.

За винодельней, ниже по склону, снова открылось море. Теперь оно было не полосой, а большим неподвижным светом, на фоне которого люди, машины и здания казались временными.

Водитель сбавил скорость перед воротами.

— Вот они, Северинские.

Он не сразу нажал кнопку вызова. Сначала посмотрел на новый корпус, потом на старую каменную часть, будто сравнивал их между собой.

— Виктор Павлович это всё поднял, — сказал он. — Или забрал. Тут смотря кого спросить.

Дмитрий хотел уточнить, но водитель уже опустил стекло и нажал кнопку у шлагбаума.

Из маленького динамика слышался женский голос:

— Да?

— Машина из Южноморска. К Александре Викторовне. Градов Дмитрий.

На секунду в динамике стало тихо. Потом что-то щёлкнуло, шлагбаум дрогнул и начал подниматься.

Машина медленно въехала на территорию винодельни.

За шлагбаумом дорога раздваивалась. Правая, выложенная светлой плиткой, вела к главному входу и террасе. Левая уходила во двор, где всё выглядело менее презентабельно и гораздо убедительнее: погрузчик сдавал назад под резкий прерывистый писк, рабочие переносили ящики с виноградом, по мокрому бетону тянулись чёрные шланги.

Водитель выбрал правую дорогу, но проехал всего несколько метров. Навстречу машине уже шла женщина в светлом брючном костюме и белых кроссовках, прижимая телефон к уху и одновременно делая кому-то знак свободной рукой.

— Нет, «эксклюзивная дегустация» не означает, что туда можно позвать ещё сорок человек, — говорила она, не снижая шага. — Потому что она и эксклюзивная. Да, я понимаю, что это партнёры партнёров. Пусть выберут восемь самых партнёрских партнёров — и на этом всё.

Она завершила разговор, дождалась, пока машина остановится, и открыла заднюю дверь прежде, чем Дмитрий успел взяться за ручку.

— Дмитрий? Инга Руденко. Наконец-то.

Прозвучало это так, будто он опоздал не на несколько минут, а как минимум на один производственный сезон.

Инге было ближе к пятидесяти. Коротко стриженная, загорелая, она была собрана до той степени, когда даже усталость воспринималась как часть делового образа. На шее висели очки в тонкой оправе, на запястье — часы с крупным экраном, то и дело вспыхивавшим новыми уведомлениями.

— Как доехали? Поезд не задержали? Машину нашли сразу?

— Если отвечать по порядку: нормально, нет и да.

— Отлично. Уже три удачи подряд. У нас сейчас это редкость.

Она улыбнулась, но телефон снова завибрировал. Инга посмотрела на экран, сбросила вызов и обратилась к водителю:

— Спасибо. Счёт отправьте мне, как договаривались.

Тот вышел помочь с чемоданом, но Инга уже взялась за ручку сама.

— Давайте я, — сказал Дмитрий.

— Тогда вы, — легко согласилась она и сразу направилась к зданию. — Номер вам подготовили в гостевом корпусе, вещи отнесут. С Александрой Викторовной встречаемся сейчас, потом я покажу площадку, материалы и расписание. Оно пока предварительное, но это не должно вас расслаблять.

Дмитрий последовал за ней, катя чемодан по плитке. Позади снова опустился шлагбаум. Машина развернулась и уехала, оставив его внутри территории, где всё двигалось с такой скоростью, будто смерть владельца не отменила ни одного срока.

— Презентация через тринадцать дней, — продолжала Инга. — Формат камерный, но статусный. Партнёры, несколько инвесторов, ресторанный сектор, пресса, местная администрация. Возможно, федеральный канал, но пока без подтверждения. Нам нужна история, которую можно рассказать за семь минут, а потом разложить на сайт, пресс-релиз, буклет и короткие цитаты.

— Одна история на все случаи жизни.

— Именно. Хорошая история обязана выдерживать разные форматы.

Они прошли мимо стеклянных дверей дегустационного зала, но Инга не стала заходить. Свернула в боковой проход, отделявший новый корпус от служебного двора.

Здесь пахло иначе.

К сухому запаху пыли и разогретого камня добавились влажный бетон и раздавленный виноград, а знакомая кисловатая дрожжевая нота стала заметно сильнее. Не особенно приятная, но живая — как запах теста, которое уже начало подниматься.

На площадке у металлических ворот стояло несколько контейнеров с гроздьями. Виноград в них выглядел совсем не так безупречно, как на рекламном щите: ягоды разного размера, некоторые помяты, среди них листья, веточки и серая пыль. Рабочий в резиновом фартуке направлял воду из шланга на бетон, смывая тёмные липкие пятна к решётке стока.

— Осторожнее, скользко, — предупредила Инга и тут же ответила на новый звонок: — Да. Нет, сегодня этикетку не утверждаем. Потому что текст ещё не готов. Потому что человек только что приехал. Нет, за два часа он не напишет. Даже если очень талантливый.

Она отключилась и посмотрела на Дмитрия:

— Вы ведь очень талантливый?

— После такой постановки вопроса у меня мало пространства для честного ответа.

— Пространства у нас вообще мало. Особенно по срокам.

Мимо них прошла девушка в халате, держа перед собой пластиковую подставку с пробирками. Следом почти бегом двигался мужчина лет тридцати с небольшим — высокий, худощавый, в тёмной футболке и рабочих брюках. Он говорил по телефону, не замечая никого вокруг.

— Нет, не «плюс-минус». Мне нужна температура по каждой ёмкости. По каждой, Лёша. Если датчик врёт, его меняют, а не пытаются с ним договориться.

Он остановился у ворот, выслушал ответ и резко провёл ладонью по волосам.

— Тогда отключайте линию. Сейчас. Не после обеда, не когда освободится смена. Сейчас. Мужчина убрал телефон и только тогда заметил Ингу.

— Где Александра?

— В кабинете. Через десять минут совещание.

— Через десять минут у нас может встать половина цеха.

— Значит, совещание будет короче.

Его взгляд переместился на Дмитрия — быстрый, оценивающий, без попытки скрыть раздражение.

— Это он?

— Это Дмитрий Градов.

— Тот, который напишет, что у нас всё прекрасно?

— Тот, который сначала осмотрится, а уже потом решит, что писать, — ответил Дмитрий. Мужчина задержал на нём взгляд ещё на секунду.

— Тогда смотрите внимательно.

Он повернулся и быстро направился к производственному корпусу. Рабочий с папкой перехватил его у дверей, сунул под подпись несколько листов. Тот расписался на ходу, даже не замедлив шага.

— Наш главный технолог, — сказала Инга.

Имени она не назвала, словно Дмитрий и так должен был понимать, о ком речь.

— Он всегда так радуется гостям?

— Сегодня он ещё сдержан. У нас сбор, запуск новой партии, проверка оборудования и презентация через тринадцать дней. А Никита считает, что всё, кроме вина, придумано людьми, чтобы мешать ему работать.

Значит, Никита.

Дмитрий посмотрел ему вслед. Технолог уже исчез внутри здания, но его голос всё ещё доносился из открытых ворот — короткий, резкий, требующий конкретных цифр.

— Нам нужна история тёплая, — продолжила Инга, будто паузы не было. — Светлая, человеческая. Семейность, море, солнце, преемственность. Но без траурного надрыва. Мы не скрываем, что Виктор Павлович умер, просто не строим на этом коммуникацию.

— А на чём строим?

— На наследии Виктора Северина.

Она произнесла это уверенно и чуть громче, чем требовал разговор. Рабочий, кативший тележку с пустыми ящиками, на секунду повернул голову. Не остановился и не изменился в лице — только посмотрел на Ингу, а затем на старую каменную часть здания.

Движение было почти незаметным. Но Дмитрий заметил.

Инга, кажется, тоже. По крайней мере, следующую фразу произнесла быстрее:

— Он создал винодельню практически с нуля. Собрал земли, модернизировал производство, вывел бренд на рынок. Сейчас Александре Викторовне важно показать, что дело продолжается.

— Даже если внутри всё выглядит так, будто пытается развалиться сразу в нескольких местах?

Инга коротко рассмеялась.

— Вот поэтому вас и пригласили. Чтобы внутри могло происходить что угодно, а снаружи всё имело связный смысл.

Они прошли дальше вдоль корпуса. Возле старой каменной стены становилось прохладнее, хотя солнце по-прежнему било в плечи. Здесь почти не было окон — только несколько узких проёмов под арками и тяжёлая дверь, обитая потемневшим металлом.

У двери стоял пожилой мужчина.

Высокий, сухой, в выцветшей рубашке с закатанными рукавами и тёмных рабочих брюках. В одной руке он держал связку ключей, другой ощупывал кладку возле замка, будто проверяя, не разошёлся ли раствор между камнями. Его движения были медленными, но не старческими — точными, экономными, привычными.

Дмитрий невольно задержал взгляд.

Пожилой человек поднял голову.

Их глаза встретились. В его взгляде не было ни любопытства, ни приветливости. Просто посмотрел на Дмитрия внимательно и спокойно — как на незнакомую вещь, которую уже внесли в дом, но ещё не решили, куда поставить.

— Нам сюда, — сказала Инга.

— Вы сказали, история должна быть семейной, — напомнил Дмитрий.

— Да.

— А семья хочет, чтобы её рассказывали?

Инга подняла глаза.

На несколько секунд её быстрый деловой взгляд стал осторожнее.

— Семья хочет, чтобы презентация состоялась.

Это был не ответ, но, судя по её тону, другого пока не предусматривалось.

Они вошли в новый корпус. За стеклянными дверями сразу стало тихо и прохладно. Служебный двор остался снаружи — с голосами, погрузчиком, водой на бетоне и кислым запахом раздавленного винограда. Здесь пахло деревом, кофе и дорогим освежителем воздуха. На стенах висели фотографии виноградников в золотом свете, а в витринах стояли бутылки с безупречно чистыми этикетками.

Дмитрий посмотрел через стекло назад.

Пожилой мужчина уже удалялся вдоль старого корпуса. Связка ключей мерно постукивала у его бедра.

— Александра Викторовна ждёт, — сказала Инга.

Она убрала телефон в карман, пригладила ладонью пиджак и направилась к лестнице.

Дмитрий пошёл за ней.

Кабинет Александры находился на втором этаже, в конце короткого коридора со стеклянной стеной. За ней открывались виноградники и море, но сам кабинет был обращён скорее внутрь хозяйства: на столе лежали папки, распечатки, образцы этикеток, два телефона и чашка кофе, к которой, судя по тонкой плёнке на поверхности, давно никто не прикасался.

Александра стояла у окна и говорила по телефону.

— Нет, основной сбор на завтра переносить нельзя. Если участок готов сегодня, собираем сегодня... Я понимаю, что не хватает людей. Возьмите вторую бригаду с нижней террасы... Нет, не всю. Половину. Верхний участок пока не трогаем — ждём анализа.

Она слушала ответ, одновременно просматривая лист, который держал перед ней молодой сотрудник. Поставила подпись, перевернула страницу, зачеркнула одну строку и вернула папку, не прерывая разговора.

— Тогда решайте с Никитой. Если он подтвердит кислотность по верхнему участку, начинайте и там. Если нет — оставляем его до утра и повторяем анализ.

Она закончила разговор и только после этого посмотрела на вошедших.

Дмитрий успел заметить тёмные брюки, строгую светлую рубашку с закатанными до локтей рукавами и тонкие часы на запястье. Из украшений — только маленькие серьги. Светлые волосы были собраны сзади чуть небрежнее, чем, вероятно, предполагалось утром. Лицо красивое, но не той красотой, которая требует немедленного внимания. Скорее той, которую замечаешь после того, как человек уже заговорил.

Усталость она скрывать не пыталась. Она лежала под глазами лёгкими тенями и чувствовалась в слишком точных движениях — так двигаются люди, которые несколько дней держатся на одном усилии и боятся позволить себе хотя бы один лишний жест.

— Александра Викторовна, Дмитрий Градов, — сказала Инга. — Дмитрий, Александра Северина.

— Здравствуйте.

Александра протянула руку. Ладонь была прохладной, рукопожатие — коротким и уверенным.

— Спасибо, что приехали так быстро.

— Гонорар оказался убедительнее расстояния.

Она посмотрела на него чуть внимательнее. Не улыбнулась, но, кажется, отметила ответ.

— Садитесь. Инга, вы тоже.

Александра заняла место за столом, но прежде убрала в сторону три папки, ответила на короткое сообщение и нажала кнопку внутренней связи.

— Ольга, пожалуйста, узнайте, отвезли ли документы нотариусу. И попросите, чтобы следующие двадцать минут меня ни с кем не соединяли, кроме производства.

Она отпустила кнопку, взяла ручку и посмотрела на Дмитрия так, будто открывала очередное совещание.

Он понял, что как человек пока её не интересует. Он был функцией, прибывшей из Москвы, чтобы снять с неё одну из проблем. И, пожалуй, в сложившихся обстоятельствах это было честнее показного гостеприимства.

— Инга объяснила вам задачу?

— В общих чертах. Новое игристое, презентация через тринадцать дней, тёплая семейная история без избыточной драмы.

— Именно без избыточной, — уточнила Инга.

Александра перевела на неё взгляд.

— Без драмы вообще.

— Драма уже произошла, — сказал Дмитрий. — Её отсутствие в тексте не отменит того, что о ней знают гости.

В кабинете стало чуть тише. За стеклом по склону медленно двигался трактор. Где-то внизу коротко просигналил погрузчик.

Александра положила ручку на стол.

— Мне нужен текст для презентации, Дмитрий. Не роман о нашей семье.

— Обычно одно мешает другому только в плохих презентациях.

Она снова задержала на нём взгляд. На этот раз дольше.

— Вы всегда спорите с заказчиком в первые пять минут?

— Только когда заказчик сразу объясняет, о чём мне нельзя спрашивать.

Инга тихо выдохнула, но Александра не рассердилась. По крайней мере, внешне.

— Спрашивать можно обо всём, что относится к вину, винодельне и истории бренда. Личная жизнь моей семьи к вашей работе отношения не имеет.

— Даже если история бренда семейная?

Пауза была короткой, но настоящей.

— Тогда особенно важно различать историю и личную жизнь, — сказала Александра.

Дмитрий кивнул. Граница была обозначена, и он запомнил, как быстро и тщательно она провела эту границу.

Инга разложила перед ним несколько листов. На первом был макет бутылки: светлое стекло, почти белая этикетка, тонкий золотистый круг и название — **«Память солнца»**.

— Это рабочий вариант, — сказала она. — Цвет стекла и позиционирование ещё уточняем. Премияльное российское игристое, локальный сорт, ограниченная партия, семейное наследие.

— Какой сорт? — спросил Дмитрий.

— Цитронный Магарача, — ответила Александра.

Поднявшиеся брови, вероятно, выдали его.

— Это виноград, — пояснила она. — Белый технический сорт. Очень ароматный: цитрус, цветы, иногда мускатные оттенки. Обычно с ним работают более предсказуемо, но мы делаем из него сухое игристое.

— Более предсказуемо — это как?

В её голосе впервые появилась едва заметная насмешка — не над ним, а над самой формулировкой.

Александра взяла карандаш и провела его концом по изображению этикетки.

— «Память солнца» — blanc de blancs. Буквально — «белое из белого»: игристое, сделанное только из белого винограда. Во Франции чаще всего используют Шардоне. У нас — сто процентов Цитронного Магарача.

— То есть вы взяли французскую идею и заменили привычный сорт местным?

— Не совсем. Blanc de blancs — не рецепт и не французская собственность. Это тип вина. А вот сделать его из яркого южного сорта и при этом сохранить сухость, свежесть и хорошую кислотность — уже сложнее.

— Почему?

Александра ответила без паузы, и Дмитрий понял, что в этой части разговора она чувствовала себя увереннее.

— Под южным солнцем ягода быстро набирает сахар. Чем дольше ждёшь, тем выше зрелость и ярче аромат, но тем быстрее уходит кислотность. Для серьёзного игристого нужен баланс. Виноград приходится собирать раньше, бережно прессовать, контролировать температуру. Затем вторичное брожение проходит в бутылке, и вино выдерживается на осадке.

— И всё это должно прозвучать за семь минут, — напомнила Инга.

— Желательно так, чтобы гости не почувствовали себя на лекции, — добавила Александра.

— Значит, нам нужна история о том, как заставить южное солнце сохранить лёгкость.

Она посмотрела на него, и на этот раз в её лице что-то изменилось. Совсем немного. Будто услышанная фраза задела не профессиональный расчёт, а воспоминание.

— Не заставить, — сказала она. — Просто сохранить.

— Это разные вещи?

— Совершенно.

Она ответила слишком быстро, словно различие было для неё не теоретическим.

Дмитрий посмотрел на название на этикетке.

— А кто его придумал?

Карандаш в пальцах Александры остановился.

Пауза длилась меньше секунды. Возможно, никто другой её не заметил бы.

— Отец.

Инга тут же подвинула к Дмитрию следующий лист.

— Название отлично работает на всю концепцию: юг, урожай, память места, преемственность. Вокруг него можно выстроить очень сильную визуальную линию.

— Оно новое? — спросил Дмитрий, не отводя взгляда от Александры.

— Нет, — сказала она. — В семье оно было давно.

Фразы не противоречили друг другу напрямую. Но первая прозвучала как ответ, а вторая — как объяснение, которого никто не просил.

Инга открыла презентацию на планшете.

— Вот предварительная структура. Начинаем с терруара, затем история Виктора Павловича, развитие хозяйства, идея нового вина и переход к будущему.

Дверь открылась без стука.

Никита вошёл с папкой в руке. Тот же высокий мужчина в тёмной футболке, которого Дмитрий видел во дворе. Только теперь его раздражение было направлено не на датчики и производственную линию, а на конкретного человека.

— Саша, если мы это подпишем сейчас, потом уже не откатим.

Он положил папку перед Александрой, даже не поздоровавшись с остальными.

— Что именно?

— Приёмку с верхнего участка. Они сняли ягоду на два часа позже, чем договаривались. Температура выше нормы, часть ящиков стояла на солнце.

Александра быстро просмотрела первую страницу.

— Лаборатория дала анализ?

— Предварительный. По цифрам пройти может. По факту мне не нравится.

— «Не нравится» — не показатель.

— Когда оборудование врёт, виноград греется, а люди торопятся закрыть план, это уже показатель.

Между ними не было обычной служебной дистанции. Никита стоял, опираясь ладонью о край стола, и говорил с ней так, как говорят не только с руководителем, но и с человеком, от которого ждут, что он поймёт без лишних объяснений.

Александра подняла глаза.

— Никита, не при гостях.

Он посмотрел на Дмитрия.

— Он не гость. Он теперь будет о нас писать.

— Пока я только выясняю, о чём именно, — сказал Дмитрий.

Никита усмехнулся.

— Тогда материал у вас богатый.

Инга закрыла планшет чуть резче, чем требовалось.

— У нас встреча.

— А у нас виноград, — ответил Никита. — Он не знает, что у вас встреча.

Александра снова посмотрела на анализы.

— Эту партию — отдельно. Сусло с основным не смешивать до повторного анализа. Решение примем вечером.

— Это лишняя работа.

— Зато обратимая.

Никита выпрямился. Раздражение не исчезло, но спорить он не стал.

— Хорошо.

Он забрал папку, но перед уходом задержался.

— Ты сегодня ела?

Инга на секунду прикрыла глаза. Александра даже не изменилась в лице.

— Никита.

— Ясно.

Он вышел, закрыв дверь уже аккуратнее, чем открыл.

Дмитрий посмотрел на чашку с остывшим кофе. Александра заметила направление его взгляда и отодвинула чашку к краю стола.

— Продолжим.

— Конечно, — сказал он.

Но разговор уже изменился.

Теперь он знал, что Никита может входить без стука, называть её Сашей и задавать вопросы, которых не задают начальнику при посторонних. Знал, что Ингу это раздражает, а Александра не пресекает — только удерживает на расстоянии.

И ещё он знал, что название придумал Виктор Северин.

Или что все здесь привыкли так считать.

Александра снова заговорила о презентации, сроках и материалах. Голос оставался ровным, чуть низким, деловым. Дмитрий слушал, записывал и временами смотрел на её руку, которая всё время что-нибудь держала: ручку, телефон, лист бумаги, край папки. Будто, выпусти она хоть что-то из пальцев, следом начнёт рассыпаться всё остальное.

Дмитрий поймал себя на том, что слушает её внимательнее, чем требовала работа. Это было некстати, и потому он сразу решил не придавать этому значения.

А в официальной истории, которую ему предстояло рассказать, появилась первая трещина.

Она была совсем небольшой — короче секунды между вопросом о названии вина и словом: «Отец».

Встреча закончилась не потому, что все вопросы были решены, а потому, что у Александры зазвонил второй телефон.

Она взглянула на экран, и её лицо изменилось — не от усталости или раздражения, а от необходимости немедленно принять ещё одно решение.

— Мне нужно ответить, — сказала она. — Инга покажет вам площадку. Через час продолжим.

Она уже поднесла телефон к уху, но, прежде чем Дмитрий успел подняться, добавила:

— И пришлите список того, что вам понадобится.

— После экскурсии.

— Лучше до. Тогда я успею сказать, чего у нас нет.

Дмитрий усмехнулся и вышел вслед за Ингой.

В коридоре её снова перехватили. Молодая женщина с бейджем протянула планшет и заговорила о списках гостей, парковке и внезапно появившейся делегации из краевой администрации. Инга выслушала первые две фразы, забрала планшет и обернулась к Дмитрию:

— Дайте мне пять минут. Терраса прямо по коридору и налево. Там не потеряетесь.

— А если потеряюсь?

— Значит, найдёте что-нибудь полезное для текста.

Она исчезла за соседней дверью вместе с женщиной и планшетом.

Дмитрий остался один.

За стеклянной стеной коридора лежало море. Отсюда оно казалось гораздо ближе, чем с дороги, словно винодельня стояла не на склоне, а над самой водой. Между зданием и побережьем спускались ряды винограда, пересечённые светлыми дорожками. Внизу двигались люди, маленькие с высоты: несли ящики, разворачивали трактор, натягивали между рядами сетку.

Он дошёл до террасы и толкнул стеклянную дверь.

Ветер сразу тронул рубашку, забрался под воротник и принёс запах нагретых лоз, моря и чего-то терпкого, растительного. На открытой площадке стояли белые столы. Пока без скатертей и бокалов — просто расставленные по схеме, которую кто-то обозначил полосками бумажного скотча на каменном полу. У перил лежали коробки с посудой. На одной было написано маркером: «**ПРЕЗЕНТАЦИЯ. НЕ ТРОГАТЬ**».

Дмитрий подошёл к краю.

Терраса действительно была создана для эффектных слов. Перед ней открывались виноградники, море и небо, в котором не оставалось ничего лишнего. Через тринадцать дней здесь будут стоять люди с бокалами и слушать историю о солнце, семейном наследии и вине, научившемся сохранять лето.

А внизу погрузчик с грохотом опустил ящики на бетон.

Из открытых ворот производственного корпуса донёсся голос Никиты:

— Я сказал отдельно! Если смешаете, назад уже не разделим!

Кто-то ответил ему, но слова утонули в шуме двигателя.

Дмитрий достал телефон. Сообщение Лены всё ещё висело непрочитанным, хотя он его уже видел.

«Не забудь поздравить Аню. Она делает вид, что ей всё равно, но ей не всё равно».

Он открыл переписку с дочерью.

Последним было её сообщение трёхдневной давности:

«Ты опять уезжаешь?»

Он тогда ответил:

«Всего на две недели».

Аня поставила реакцию в виде поднятого большого пальца. У неё был талант одним значком сообщать гораздо больше, чем люди обычно успевали объяснить страницей текста.

Дмитрий набрал:

«Доехал. Здесь красиво».

Посмотрел на фразу и добавил:

«Как ты?»

Несколько секунд ждал, будто ответ мог появиться ещё до отправки, затем стёр второй вопрос. Первая фраза без него выглядела ещё хуже. Сообщение он так и не отправил.

— Красиво, правда?

Инга вышла на террасу, всё ещё держа планшет. За ней появилась Александра. Телефон она уже убрала, но выражение лица не изменилось: разговор, очевидно, закончился не решением, а временной отсрочкой.

— Для презентации место идеальное, — сказал Дмитрий, пряча телефон. — Если смотреть только вперёд.

Александра подошла к перилам.

— Гости обычно так и делают.

— Смотрят вперёд?

— Смотрят туда, куда их поставили лицом.

Инга бросила на неё быстрый взгляд, словно пыталась понять, была это шутка или нет.

— Здесь будет основная часть, — сказала Инга. — Встреча гостей у входа, затем короткая экскурсия, дегустация и презентация на закате. Столы развернём полукругом. Экран поставим у стены, чтобы солнце не мешало.

Телефон в её руке зазвонил. На экране высветилось имя, которое Дмитрий успел прочесть: **Павел Мещерский**.

— Да, Павел Борисович, — ответила Инга и сразу отошла в сторону. — Нет, ничего не отменяется... Я понимаю ваши опасения... Именно поэтому Дмитрий уже здесь.

Она бросила на него быстрый взгляд, словно одним его присутствием подтверждала невидимому собеседнику, что ситуация всё ещё находится под контролем.

Дмитрий подождал, пока Инга отойдёт дальше, и повернулся к Александре.

— В презентации должна быть история вашего отца?

— Разумеется.

— Насколько подробная?

— Достаточная, чтобы объяснить появление винодельни и развитие бренда.

— Его смерть тоже часть этой истории.

Александра повернулась к нему.

В кабинете её холодность казалась деловой. Здесь, на солнце, она стала иной — более личной и потому более жёсткой.

— Мой отец погиб в результате несчастного случая, — сказала она. — Это всё, что вам нужно знать для работы.

Дмитрий мог бы напомнить, что гости знают больше. Спросить, почему местные говорят о смерти неуверенно. Рассказать о водителе. Но сейчас это было бы не профессиональной настойчивостью, а попыткой проверить, насколько глубоко можно войти в чужую боль в первый же день.

Он кивнул.

— Понял.

Александра, кажется, ожидала возражения. На мгновение в её лице мелькнуло что-то похожее на облегчение, но тут же исчезло.

Инга закончила разговор.

— Павел Борисович считает, что нам следует сократить семейную часть.

— В таком случае у нас не останется наследия, — сказала Александра.

— Я ему это уже объяснила.

— И?

— Он ответил, что наследие прекрасно, пока не мешает инвестиционной привлекательности.

Дмитрий посмотрел на море.

— Чувствую, текст будет светлым.

На этот раз Александра почти улыбнулась. Уголок губ дрогнул и сразу вернулся на место.

Они прошли вдоль террасы к боковой лестнице. Она спускалась между новым корпусом и старой каменной частью винодельни. С каждым пролётом становилось прохладнее. Солнце оставалось наверху, ветер стих, запах моря сменился сыростью и холодным камнем.

Внизу Дмитрий снова увидел пожилого мужчину со связкой ключей. Тот стоял рядом с рабочим и негромко что-то объяснял, указывая на каменную кладку над аркой. Рабочий слушал, задрал голову, потом кивнул и отправился за инструментами.

— Кто это? — спросил Дмитрий.

Инга проследила за его взглядом.

— Григорий Матвеевич Лазарев. Старый мастер.

— Давно здесь работает?

— Дольше, чем большинство работников.

Она сказала это без особого значения, но Дмитрий всё равно посмотрел на старика внимательнее.

Григорий Матвеевич тоже его заметил. Взгляд был спокойным, без враждебности, но проверяющим — будто новый человек уже оказался внутри хозяйства, а старый мастер ещё не решил, станет ли он частью порядка или очередной причиной его нарушить.

— Он винодел? — спросил Дмитрий.

— Он всё, — ответила Инга. — Погреба, выдержка, старые партии, бочки. Если спросить его должность, назовёт одну. Если спросить, что без него остановится, список получится гораздо длиннее.

Григорий Матвеевич коротко кивнул Александре.

— Саша.

— Григорий Матвеевич.

В её голосе не было ни начальственной сухости, ни той осторожности, с которой она говорила о Никите. Только усталое уважение.

Старик посмотрел на Дмитрия.

— Автор?

— Дмитрий Градов, — представила его Инга.

— Значит, будете писать.

— Попробую сначала понять, о чём.

— И правильно, — сказал Григорий Матвеевич.

Он отвернулся к стене, словно разговор был закончен.

За его спиной находилась тяжёлая дверь под низкой каменной аркой. Металл потемнел от времени, вокруг замка виднелись царапины. На правой створке сохранился прямоугольный след от недавно снятой наклейки или печати. Чуть выше по камню тянулась тонкая полоса сырости.

Дмитрий подошёл ближе.

За дверью было тихо. Не та тишина, которая возникает в пустом помещении, а плотная, холодная, будто камень много лет впитывал все звуки и теперь не хотел возвращать ни одного.

— Это старые погреба? — спросил он.

— Да, — ответила Инга. — Основная часть уходит под склон.

— Можно посмотреть?

Александра остановилась на ступеньке.

— Не сегодня.

— Из-за производства?

Инга открыла рот, но Александра ответила первой:

— Туда пока не ходят.

Дмитрий перевёл взгляд на светлый прямоугольник возле замка.

— Почему?

На этот раз пауза возникла не между вопросом и ложью. Скорее между вопросом и решением, сколько правды ему положено получить.

— Там погиб мой отец, — сказала Александра.

Никто больше ничего не добавил.

Сверху, с террасы, доносились голоса. Рабочие передвигали столы, Инге снова звонили, ветер хлопал пустой упаковкой. Там готовили площадку, на которой через тринадцать дней Дмитрий должен был рассказать историю о море, семье и солнечном вине.

Он ещё раз посмотрел на тяжёлую дверь.

Он приехал за текстом о вине, которое называлось «Память солнца».

А первое, что ему по-настоящему захотелось узнать, было спрятано за дверью, куда не попадал свет.

Глава 2. Прессование

К гостевому корпусу Инга повела его уже под вечер. Он стоял выше главного здания, за полосой молодых кипарисов; к крыльцу вела узкая дорожка из светлого камня. От винодельни до корпуса было минуты три неспешным шагом, но Инга преодолела их так, будто уже несколько часов куда-то опаздывала.

— Завтрак с семи тридцати внизу, — говорила она, не замедляя шага. — Кофе личный, еда зависит от того, кто сегодня дежурит. До главного корпуса проще всего по этой дорожке, потом направо у кипарисов. Совещание завтра в восемь тридцать. Не в восемь тридцать пять.

— Я уже понял, что здесь время измеряют не минутами, а потерями.

— Верно. Павел Борисович Мещерский должен был приехать послезавтра, но решил, что тревожиться на расстоянии недостаточно эффективно. Теперь тревожится лично.

— Инвестор?

— Совладелец, партнёр, кредитор и человек, который помнит стоимость каждой ошибки. Иногда даже той, которую ещё не успели совершить.

Они обогнули дом. За ним открывался склон, уходивший к морю. В вечернем свете виноградники казались темнее, чем днём, а земля между рядами — почти белой.

— И ещё, — сказала Инга, поднимаясь на крыльцо. — Ночью по производственному двору лучше не гулять.

— Даже если не спится?

— Особенно если не спится. Погрузчики плохо различают гостей, авторов и людей с важными мыслями.

Она достала карточку-ключ.

Гостевой корпус когда-то был обычным жилым домом: светлый камень, тёмная черепица, узкий балкон вдоль второго этажа. Внутри всё переделали, но дом ещё не успел окончательно забыть о прежнем назначении.

На первом этаже находилась небольшая столовая. Инга указала на закрытую дверь:

— Завтрак там. Чай и вода круглосуточно. Вино тоже есть, но гости часто переоценивают значение слова «круглосуточно».

Они поднялись по лестнице. На втором этаже было всего три двери.

— Ваша крайняя. Угловая комната. Соседей пока нет, поэтому можете печатать по ночам, разговаривать с собой и обвинять персонажей в непоследовательности.

— Я обычно обвиняю заказчиков.

— Тогда говорите тише. Некоторые живут неподалёку.

Инга открыла дверь и пропустила его вперёд.

После винодельни комната показалась почти неправдоподобно спокойной.

Белёные стены, тёмный деревянный пол, широкая кровать и письменный стол у бокового окна. На столе стояла зелёная лампа, рядом — чайник и две одинаковые чашки, словно даже одиночество здесь было рассчитано на двоих.

Главное окно выходило на виноградники и море. Из бокового были видны крыша старого корпуса, часть служебного двора и производственные ворота.

— Ванная там, пароль от сети на тумбочке, — сказала Инга. — К девяти утра вам принесут материалы по прошлым презентациям. Не пугайтесь их количества. Большая часть написана людьми, которые считали, что слово «терруар» можно использовать вместо смысла.

Она положила карточку на стол.

— Отдохните. Завтра будет плотный день.

— Сегодня, я так понимаю, был лёгкий.

Инга посмотрела на него с сочувствием, которое вполне могло оказаться насмешкой.
— Сегодня вы только приехали.

Дверь за ней закрылась.

После голосов, телефонов, погрузчиков и коротких команд Никиты тишина казалась не уютной, а временно включённой. Всё, что происходило внизу, просто отступило на несколько сотен метров.

Дмитрий поставил чемодан возле шкафа, но одежду разбирать не стал. Достал ноутбук, блокнот, две ручки и папку с распечатками Инги. Ноутбук поставил точно напротив стула, лампу сдвинул влево, телефон положил экраном вниз.

Только после этого комната перестала быть гостиничной.

В быту Дмитрий легко мирился с беспорядком. Но рабочее место устраивал сразу и почти педантично: беспорядок перед глазами мешал думать.

Он включил ноутбук, создал новый файл и написал заголовок:

«Память солнца. Материалы»

Ниже появились первые строки:

семейное наследие;

Виктор Северин;

несчастный случай;

Цитронный Магараха;

название придумал отец;

в семье было давно.

Дмитрий перечитал последние две строки.

По отдельности каждая звучала вполне убедительно. Поставленные рядом, они начинали спорить.

Дмитрий ничего не стал менять. Пока это было противоречие, а не повод строить версии.

Дмитрий добавил ещё несколько вопросов к завтрашнему совещанию:

какой урожай;

объём партии;

срок выдержки;

кто принимал решение о запуске;

что именно считается наследием Виктора Северина.

Последняя формулировка понравилась ему больше остальных.

Телефон лежал рядом. Он перевернул его экраном вверх.

Сообщений от Ани не было.

Дмитрий открыл календарь и поставил напоминание на послезавтра:

Аня. 18 лет. Позвонить.

Несколько секунд смотрел на запись. Потом добавил время — девять утра. Слово «позвонить» выглядело слишком простым для действия, которое он постоянно умудрялся усложнять.

Он закрыл календарь, не открывая переписку.

За окном постепенно темнело. Море исчезло раньше неба, превратившись в широкую чёрную пустоту, над которой ещё держалась бледная полоса света. Виноградники тоже потеряли цвет. Остались только правильные тёмные линии, сходящиеся по склону вниз.

Дмитрий вышел на балкон.

Снизу доносился ровный гул, металлический стук и короткие сигналы заднего хода. По дороге между корпусами двигались фары. В резком белом свете производственного двора люди казались плоскими тенями.

Над морем было темно, внизу продолжалась работа.

Дмитрий опёрся ладонями о прохладные перила и смотрел, как к воротам подъезжает очередная машина с ящиками.

Даже ночью винодельня продолжала выжимать из винограда всё, что в нём было.

Дмитрий проснулся за несколько минут до будильника.

Сначала ему показалось, что гул идёт из стены. Низкий, ровный, ритмичный, он проник в комнату не столько звуком, сколько слабой дрожью пола. Потом где-то внизу коротко пискнул погрузчик, хлопнула металлическая дверь, и Дмитрий вспомнил, где находится.

На экране телефона было семь двенадцать.

Он отключил будильник, прежде чем тот успел зазвонить, и раздвинул шторы.

Утро ещё не набрало дневной яркости. Море за виноградниками лежало серо-голубым, почти неподвижным, а солнце только начинало подсвечивать верхушки склонов. Зато производственный двор уже жил так, будто день начался несколько часов назад.

К воротам медленно подъезжала машина с пластиковыми ящиками. Рабочие снимали их с кузова и передавали дальше, не задерживая движения. По влажному бетону тянулись следы шин и узкие ручейки воды. Из открытых ворот производственного корпуса выкатывался белёсый холодный воздух, стелился по земле и быстро растворялся в тепле.

Дмитрий вышел на балкон.

Гул стал отчётливее. Он шёл из глубины здания и временами менял тональность, будто огромная машина набирала воздух, сжималась и снова отпускала.

Внизу рабочий выкатил контейнер с тёмной влажной массой. В ней ещё угадывались кожица, веточки и сплюснутые ягоды — всё, что оставалось после того, как виноград переставал быть виноградом и превращался во что-то другое.

От металлической установки тянулись толстые прозрачные трубки. По одной из них двигалась мутная светлая жидкость, исчезая в высокой стальной ёмкости.

Дмитрий вспомнил вчерашнюю фразу Александры о том, что солнце не нужно заставлять — его нужно сохранить.

С балкона процесс выглядел иначе. Сначала виноград мяли, сжимали, отделяли сок от кожицы и гребней, а уже потом начинали говорить о сохранении.

Телефон завибрировал в руке.

Инга:

«Совещание в 8:30. Малая переговорная. Мецкерский уже здесь, поэтому опаздывать сегодня особенно невыгодно».

Следом пришло второе сообщение:

«Завтрак уже готов. Это не рекомендация, а информация».

Дмитрий посмотрел на часы. До совещания оставалось чуть больше часа.

Через сорок минут он уже спускался к главному корпусу. Кофе в столовой действительно оказался приличным. Завтрак был быстрым: омлет, хлеб, сыр и помидоры — неожиданно настоящие для гостиничной тарелки.

Утренний воздух был прохладнее вчерашнего, но солнце быстро поднималось над склоном. По дороге к винодельне Дмитрий несколько раз уступал место тележкам и людям с ящиками. Никто не стоял без дела. Даже короткие разговоры происходили на ходу.

Возле производственного корпуса пахло мокрым камнем, свежим соком и чем-то зелёным, терпким. Вчерашняя дрожжевая кислинка почти исчезла, уступив запаху только что раздавленного винограда.

Никиту Дмитрий заметил у пресса.

Тот стоял рядом с оператором, высоким мужчиной в резиновом фартуке, и смотрел на экран панели управления.

— Я просил не поднимать давление выше одного и двух, — сказал Никита.

— Выход падает.

— Пусть падает.

— Мы теряем сок.

— Мы теряем не сок. Мы теряем качество, если начинаем выжимать ягоду досуха.

Оператор указал на цифры:

— При таком объёме это почти четыре процента.

— Я вижу.

— Мещерский тоже увидит.

Никита повернулся к нему.

— Тогда объясню Мещерскому, что последние четыре процента обходятся дороже первых девяноста шести.

Он наклонился к панели, изменил параметр и проследил, как на экране загорелась новая строка.

Из бокового отверстия пресса медленно выходила влажная спрессованная масса. Рабочий разбивал её лопатой и сбрасывал в контейнер. Всё происходило без красоты, которую можно было бы напечатать на этикетке: металл, вода, резина, шум и люди, следившие за десятилетиями долями давления.

Никита поднял голову и увидел Дмитрия.

На секунду в его лице мелькнуло вчерашнее раздражение, но почти сразу уступило место деловой сосредоточенности.

— Доброе утро.

— Доброе.

Никита коротко взглянул на пресс, затем снова на Дмитрия.

— Сегодня смотрите ещё внимательнее.

Он вернулся к оператору, не дожидаясь ответа.

Дмитрий пошёл к главному корпусу.

Позади снова загудел пресс.

До совещания оставалось семь минут.

Малая переговорная находилась за дегустационным залом и была отделена от него стеклянной дверью. Внутри — длинный светлый стол, настенный экран и стеклянная стена, за которой виноградники спускались к морю.

У дальней стены стояла узкая тумба. На ней — три бутылки без этикеток и ряды бокалов. Возле каждого — маленькая карточка с буквой: А, Б, В.

Дмитрий пришёл последним, но не опоздал.

Инга уже подключала ноутбук к экрану. Александра сидела во главе стола.

— Дмитрий, познакомьтесь: Павел Борисович Мещерский, наш партнёр. Павел Борисович, Дмитрий Градов — автор текста для презентации.

Мещерский поднялся и коротко пожал ему руку.

— Рад познакомиться.

— Взаимно.

Ему было около пятидесяти пяти: плотный, коротко стриженный, с аккуратной сединой на висках и внимательным, немного тяжёлым взглядом человека, привыкшего выслушивать собеседника до конца и всё равно возвращаться к цифрам.

Григорий сидел ближе к окну, немного в стороне от остальных. Его крупные, потемневшие от солнца руки спокойно лежали на столе. Никита стоял у тумбы и поочерёдно касался бутылок, проверяя температуру стекла.

На Александре была светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Волосы снова были собраны — на этот раз аккуратнее, чем вчера. Лицо казалось спокойным, почти непро-

нищаемым, но Дмитрий заметил тонкие тени под глазами и слишком медленное движение, которым она переложила телефон справа налево.

Она выглядела как человек, который не спал, но не считал это обстоятельством, заслуживающим обсуждения.

Никита поставил перед ней стакан воды и небольшую тарелку с двумя кусочками хлеба и сыром.

Александра подняла на него взгляд.

— Никита.

— Ты не завтракала.

— Это совещание.

— Я заметил.

В её взгляде появилось предупреждение, но тарелку она не убрала.

Никита вернулся на своё место.

Дмитрий сел напротив Григория и открыл блокнот.

Мещерский посмотрел на часы.

— Начнём?

— Мы уже начали, — сказала Инга и вывела на экран первый слайд.

На белом фоне появилась бутылка без этикетки и название:

«Память солнца»

Ниже — строка более мелким шрифтом:

Российское игристое вино. Классический метод. Ограниченный выпуск.

— Мы выводим на рынок не просто новый продукт, — начала Инга. — Мы выводим первое российское blanc de blancs из Цитронного Магарача, сделанное классическим методом и выдержанное на осадке не менее тридцати месяцев.

Мещерский поднял глаза от бумаг.

— Первое?

— В рамках той категории, которую мы заявляем.

— То есть не первое.

— То есть юридически корректное первое.

Он снова опустил взгляд.

Инга переключила слайд.

На экране появились виноградники в вечернем свете, бутылка на фоне каменной стены и несколько строк крупным шрифтом:

Семейное наследие.

Солнце юга.

Вино, которое ждало своего времени.

— Партия ограниченная, — продолжила Инга. — Это работает в нашу пользу. Небольшой объём создаёт ощущение редкости и позволяет не конкурировать с массовым игристым. Через двенадцать дней — презентация для ресторанов, дистрибьюторов и прессы. После неё начинаются первые отгрузки.

— Если начинаются, — сказал Мещерский.

Инга остановилась.

— Начинаются.

— Тогда давайте сразу говорить не только о том, что написано на экране.

Он закрыл папку и положил ручку поверх неё.

Павел Борисович говорил негромко, ровным суховатым голосом. Ему не требовалось повышать тон: стоило ему заговорить, как остальные замолкали.

— Площадка оплачена, гости приглашены, логистика забронирована. Есть предварительные соглашения с тремя ресторанными группами и двумя федеральными сетями. Следующее

окно для входа в категорию откроется не раньше весны. На эти поставки завязаны платежи по оборудованию, зарплаты и следующий производственный цикл. Мы рискуем не только презентацией.

— Я знаю, — сказала Александра.

— Тогда ты знаешь и другое. Перенос означает не только штрафы. Он означает, что мы второй раз за год не выполняем обещания.

На слове «обещания» Дмитрий на секунду вспомнил вчерашнюю запись в календаре: «Аня. 18 лет. Позвонить». Он опустил взгляд в блокнот.

На несколько секунд в комнате стало тише.

Инга убрала руку с мыши.

— Первый перенос был связан с объективными обстоятельствами.

— Для нас — да. Для партнёров он был связан с тем, что товар не приехал.

Александра смотрела на него спокойно.

— Сколько?

— Если переносим презентацию — около шести миллионов прямых потерь. Если проводим её, но не начинаем отгрузку в обещанном объёме, меньше. Но доверие плохо считается в таблицах.

— Но ты всё-таки попробовал посчитать.

— Это моя работа.

Инга переключила следующий слайд. На нём была схема запуска: презентация, ресторанные поставки, федеральные сети, ограниченная розница.

— Мы не говорим о полном выходе в массовый сегмент, — сказала она. — Первая партия должна создать репутацию, а не объём.

— Репутацию создаёт не презентация, — отозвался Никита. — Репутацию создаёт то, что люди откупорят после неё.

Он сидел немного в стороне, ближе к тумбе с бутылками. Перед ним лежала тонкая папка с лабораторными протоколами.

Мещерский повернулся к нему.

— Мы ещё дойдём до качества.

— Хорошо бы дойти до него раньше отгрузки.

Александра едва заметно напряглась.

— Никита.

Он замолчал.

Дмитрий посмотрел на экран. Потом — на бутылки без этикеток.

— Можно вопрос?

Все обернулись к нему, словно на несколько минут успели забыть о его присутствии.

— Разумеется, — сказала Инга.

— Я правильно понимаю: вино, которое вы собираетесь представлять через двенадцать дней, сделано не из винограда, который сейчас принимают?

Никита посмотрел на него внимательнее.

— Нет.

— Тогда какой это урожай?

— Двадцать третьего года. Осенью сделали базовое вино, затем оно прошло вторичное брожение и почти три года выдерживалось в бутылке. Сейчас партия проходит финальную подготовку и контроль.

Дмитрий записал несколько слов.

— А нынешний урожай?

— Основа будущего тиража. В лучшем случае вы попробуете это вино через три года.

— То есть всё, что сегодня происходит внизу, к презентации отношения не имеет?

— Прямого — нет. Косвенное имеет самое неприятное.

— Какое?

— Если мы сейчас ошибёмся с прессованием, через три года будем обсуждать то же самое. Только с другими цифрами.

Мещерский вздохнул.

— Никита, мы обсуждаем запуск текущей партии.

— А я объясняю, почему винодельня не может жить только текущей партией.

Дмитрий перевёл взгляд на Александру.

Она слушала их обоих, не вмешиваясь. Перед ней по-прежнему стояли стакан воды и нетронутая тарелка.

За стеклянной стеной виноградники лежали в утреннем солнце — ровные, спокойные, почти декоративные. Здесь, за столом, всё, что с ними было связано, уже превратилось в сроки, проценты, обещания и будущие потери.

Инга снова коснулась мыши.

— Итак. Позиционирование строится на трёх вещах: сорт, метод и история семьи Северина.

Никита открыл папку с лабораторными протоколами, но смотреть в неё не стал.

— Полного коммерческого объёма для запуска у нас сейчас нет.

Мещерский медленно повернул к нему голову.

— Уточни.

Никита поднялся и подошёл к тумбе.

— Первая партия готова. По двум следующим есть расхождения между контрольными образцами. Не критические, но стабильными я их назвать не могу.

— В цифрах?

— В цифрах всё находится в пределах допуска.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что люди будут пить не цифры.

Он взял первую бутылку и налил вино в бокалы с буквой А. Тонкая светлая струя казалась почти бесцветной, лишь у самого стекла проступал лёгкий золотистый оттенок. Затем Никита открыл вторую и третью бутылки.

В наступившей тишине стало слышно, как в бокалах лопаются мелкие пузырьки.

Никита поставил бутылки на место.

— Образцы из трёх партий. Урожай один, технология одна, сроки выдержки почти одинаковые. Начните с А. Потом Б и В. Между образцами — вода.

Мещерский посмотрел на часы.

— Мы собираемся проводить полную дегустацию?

— Нам хватит десяти минут.

— У нас совещание по запуску.

— Именно поэтому.

Александра первой взяла бокал.

Остальные последовали её примеру.

Дмитрий поднёс вино к лицу, как вчера делала Александра. Запах оказался ярче, чем он ожидал: свежий, прохладный, с чем-то цитрусовым и чуть травяным.

Он сделал глоток.

Вино было лёгким, но не пустым. Сначала — прохлада и кислинка, затем вкус становился мягче, а после оставлял чистое, ясное ощущение: лимонная кожура, свежая зелень и едва заметная терпкость.

Дмитрий не был уверен, что именно должен искать, но первое вино ему понравилось.

Никита наблюдал за всеми.

— Теперь Б.

Второй образец сначала показался почти таким же. Та же свежесть, похожая кислинка, лёгкий цитрусовый аромат. Но стоило поставить бокал, как впечатление начало исчезать. Через несколько секунд Дмитрий уже не мог точно вспомнить, чем пахло вино. Оно словно уходило раньше, чем успевало сложиться послевкусие.

Он сделал ещё один маленький глоток.

Нет, плохим вино не было. Просто рядом с первым казалось менее собранным.

Мещерский поставил бокал.

— Я не вижу принципиальной разницы.

— Она есть, — сказал Никита.

— Настолько, чтобы остановить отгрузки?

— Мы ещё не закончили.

Третий образец оказался ярче остальных. В запахе было больше спелого фрукта, вкус показался плотнее, почти увереннее. На первое мгновение Дмитрию даже подумалось, что именно этот бокал лучше.

Потом во рту осталась сухая горечь.

Не резкая, но цепкая. Она не исчезла после воды и словно перечеркнула всё, что было до неё.

Дмитрий посмотрел на бокал с буквой В.

Инга едва заметно поморщилась. Александра поставила вино на стол, не допив. Григорий попробовал третий образец и так же спокойно поставил бокал рядом с двумя предыдущими.

Никита вернулся на своё место.

— Образец А — первая партия. Она готова. В партии Б часть бутылок быстрее теряет аромат. В партии В есть разброс в послевкусии. Не во всех бутылках, но чаще, чем я готов принять.

— Сколько именно? — спросил Мещерский.

— В контрольной выборке по второй партии — одиннадцать процентов. По третьей — четырнадцать.

— И всё это укладывается в нормативы?

— Пока да.

— Тогда я повторю вопрос: в чём проблема?

Никита посмотрел на него.

— Вино нестабильно. В одной бутылке отклонение почти незаметно, в соседней выражено сильнее. Мне нужны повторные анализы, расширенная выборка и дополнительная выдержка.

— Сколько времени?

— Минимум шесть недель.

Мещерский откинулся на спинку стула.

— Через двенадцать дней презентация.

— Для презентации первой партии достаточно.

— А для поставок?

— Для обещанного коммерческого объёма — нет.

Инга посмотрела на Александру, но та молчала.

Мещерский взял бокал А, затем Б и снова попробовал оба образца.

— Гости не будут сравнивать три бокала.

— Именно поэтому мы обязаны сравнить их за гостей.

— Большинство не заметит разницы.

— Это не делает её менее реальной.

— Ты предлагаешь остановить запуск из-за того, что один аромат держится чуть меньше другого?

— Я предлагаю не продавать две нестабильные партии под одним названием с той, которая действительно готова.

— Но они прошли лабораторию.

— Лаборатория отвечает на вопрос, безопасно ли вино и соответствует ли оно нормативам. Она не отвечает на вопрос, стоит ли оно тех денег, которые мы собираемся за него просить.

Мещерский постучал пальцем по ножке бокала.

— Эти партии уже утверждены.

— Кем?

— Виктором Павловичем.

Никита замолчал.

До этого он говорил резко, но спокойно, словно защищал производственное решение на обычном рабочем совещании. Теперь что-то в его лице изменилось. Не выражение — скорее напряжение вокруг глаз и слишком неподвижная линия рта.

Александра заметила это одновременно с Дмитрием.

— Никита, — сказала она.

Но он уже смотрел на Мещерского.

— Виктор Павлович хотел выпустить это вино ещё весной. Не потому, что оно было готово, а потому, что деньги уже были обещаны.

В комнате стало тихо.

За стеклянной стеной по дороге между виноградниками медленно проехал трактор. Его не было слышно — только видно, как он двигался по склону, оставляя за собой лёгкую полосу пыли.

Александра выпрямилась.

— Не используй моего отца как аргумент.

Никита повернулся к ней.

— Я не использую.

— Именно это ты сейчас делаешь.

— Его подпись не делает плохую партию хорошей.

Инга опустила взгляд на ноутбук.

Мещерский убрал руку от бокала. Даже Григорий поднял голову.

Александра смотрела на Никиту долго и неподвижно. На её лице ничего не изменилось, но Дмитрий заметил, как побелели пальцы, лежавшие на краю стола.

— Ты мог сказать то же самое иначе, — произнесла она.

— Я говорил иначе. Несколько месяцев.

— Не здесь.

— А где? На производстве, где меня слышат только технологи? Или в лаборатории, где результаты подписывают, но не читают?

— Достаточно.

Никита отвернулся.

В его резкости не было желания победить. Скорее усталость человека, который слишком долго повторял одно и то же и теперь уже не мог подобрать безопасных слов.

Мещерский посмотрел на Григория.

— Григорий Матвеевич, Виктор Павлович одобрил итоговый вариант?

Старый мастер медленно повернул бокал за тонкую ножку. В его крупных, потемневших от солнца пальцах стекло казалось почти невесомым. Все три образца он попробовал, но ни один не прокомментировал.

Все ждали.

Григорий не смотрел ни на Александру, ни на Никиту.

— Виктор Павлович спешил, — сказал он наконец.

Мещерский нахмурился.

— Это не ответ.

Григорий поставил бокал на стол.

— Другого у меня нет.

Снова стало тихо.

Дмитрий ожидал, что Александра потребует объяснений или Мещерский заставит старика сказать прямо, поддерживает он выпуск или нет.

Никто этого не сделал.

К молчанию Григория здесь, похоже, давно привыкли.

Дмитрий посмотрел на свои бокалы.

В первом ещё поднимались редкие пузырьки. Второй почти ничем не отличался от него на вид. Третий был таким же светлым и прозрачным.

Три одинаковых вина.

Пока их не попробуешь.

Александра первой нарушила молчание.

— Хорошо. Решение такое.

Она закрыла лежавшую перед ней папку и отодвинула три бокала.

— Презентация остаётся в календаре. На ней используем только первую партию. Отгрузку второй и третьей временно замораживаем.

— Александра, — начал Мещерский.

Она подняла ладонь.

— Я ещё не закончила. Никита, у тебя сорок восемь часов. Повторные анализы, расширенная выборка и слепая дегустация. Мне нужен точный объём вина, которое мы можем выпустить без оговорок.

— За сорок восемь часов вино стабильнее не станет.

— Я не прошу сделать его стабильнее. Я прошу выяснить, сколько стабильного вина у нас есть сейчас.

Никита сжал губы.

— Этого времени недостаточно для полноценного наблюдения.

— Для шестинедельной выдержки — недостаточно. Для повторной проверки — достаточно.

Она повернулась к Инге.

— Пересчитай заявленный объём. Презентацию не отменяем, но никаких обещаний, которые зависят от второй и третьей партий.

Инга посмотрела на экран, где всё ещё оставалась схема запуска.

— Тогда придётся переделывать приглашения, презентацию, пресс-релиз и половину материалов для дистрибьюторов.

— Значит, переделаем.

— За двенадцать дней?

— Сегодня у нас ещё двенадцать.

Инга коротко выдохнула и открыла новый файл на ноутбуке.

Александра перевела взгляд на Мещерского.

— Павел Борисович, подготовь расчёт последствий задержки: штрафы, логистика, изменение объёма поставок, возможный перенос входа в сети. Отдельно — сценарий, при котором мы выпускаем только первую партию.

— То есть ты всё-таки принимаешь версию Никиты.

— Я принимаю результаты дегустации.

— Результаты, которые трактует Никита. Ты слишком ему доверяешь.
Александра выдержала его взгляд.

— Я доверяю не Никите. Я доверяю процедуре, которую он обязан соблюдать.

— А я обязан сделать так, чтобы у винодельни остались деньги на платежи, зарплаты и следующий производственный цикл. Первой партии может не хватить даже на минимальные обязательства.

— Плохое вино под дорогой маркой может стоить нам дороже одного сезона.

— Если коммерческого объёма нет, это не версия, — сказал Никита. — Это факт.

Мещерский медленно повернулся к нему.

— Тебе легко теперь объяснять, чего хотел Виктор Павлович. В ту ночь ты был здесь, мы — нет.

Никита замер.

— Да, — сказал он. — Я был здесь.

Дмитрий перестал писать.

Александра резко повернулась к Мещерскому.

— Никита дежурил на производстве. Следствие это проверило.

Павел Борисович посмотрел на неё.

— Я ничего не сказал о следствии.

Фраза повисла в комнате.

Инга медленно убрала руку с клавиатуры. Григорий не поднял головы. Никита смотрел на Мещерского неподвижно.

— Тогда скажи прямо, что ты хотел сказать, — произнёс он.

— Я хотел сказать, что теперь каждый может объяснять решения Виктора Павловича так, как ему удобно. Сам он возразить уже не сможет.

— Я спорил с ним и тогда.

— Именно.

— Хватит, — сказала Александра.

На этот раз её голос прозвучал тише, но спор оборвался сразу.

— Мы не обсуждаем здесь ночь гибели моего отца. И не используем её, когда нам не хватает рабочих аргументов.

— Это был рабочий аргумент, — сказал Мещерский.

— Нет. Это был намёк. На этом закончили.

Мещерский откинулся на спинку стула, но спорить не стал.

Александра потёрла висок. Движение было коротким, почти незаметным, однако Никита сразу повернулся к ней.

— Снова голова?

Она опустила руку.

— Не сейчас.

Никита замолчал и отодвинулся к спинке стула.

Дмитрий заметил, что Александре не понравился не сам вопрос, а то, что он прозвучал при остальных. Она бросила на Никиту короткий взгляд — предупреждающий, но не холодный.

Он знал, когда у неё болит голова. И знал, когда нужно отступить.

Александра снова повернулась к столу.

— Решение не меняется. Через сорок восемь часов я получаю результаты повторных анализов и слепой дегустации.

Она посмотрела на Никиту.

— Не мнение. Результаты.

— Получишь.

— Инга корректирует внешнюю коммуникацию. Павел Борисович считает финансовые последствия. Завтра в это же время сверяем данные.

— Мне понадобятся сотрудники лаборатории и доступ ко всей партии без согласований с отделом продаж, — сказал Никита.

— Получишь.

— И шесть недель всё равно останутся шестью неделями.

— Сначала проживём сорок восемь часов.

Инга уже меняла цифры на слайде.

— Формулировку «ограниченный выпуск» пока можно оставить. Она неожиданно стала ещё честнее.

Никто не ответил.

Григорий отодвинул бокал и сложил руки перед собой. Решение Александры он не поддерживал и не оспорил.

Оно не устраивало никого полностью.

Мещерский видел финансовый риск. Никита — недостаток времени. Инга уже переделывала половину рекламной кампании. Александра получила не решение проблемы, а двое суток до следующего решения.

Она взяла с тарелки кусочек хлеба и откусила.

Никита не посмотрел в её сторону.

Когда Дмитрий вернулся в гостевой корпус, пресс всё ещё работал.

Его ровный гул поднимался снизу по склону и доходил до комнаты слабой дрожью пола. За окном солнце уже стояло высоко, производственный двор залило жёстким светом.

Дмитрий закрыл дверь, снял пиджак и бросил его на спинку кресла.

На столе лежал раскрытый блокнот. Рядом — вчерашние записи:

семейное наследие;

Виктор Северин;

несчастный случай;

Цитронный Магараха;

название придумал отец;

в семье было давно.

Последние две строки по-прежнему плохо сочетались друг с другом.

Дмитрий включил ноутбук. Рабочий файл назывался просто: «**Память солнца. Материалы**».

Большая часть услышанного на совещании для презентации не годилась. Покупателю не обязательно было знать, что полного коммерческого объёма пока нет. Партнёрам — что отгрузку двух партий остановили. Журналистам — что технолог спорил с погибшим владельцем ещё весной.

Но Дмитрий записал всё.

Три партии — одна готова.

Виктор настаивал на запуске весной.

Никита был против.

Он перечитал последнюю строку. Никита не оправдывался и не пытался представить себя осторожнее. Он говорил так, будто спор с Виктором до сих пор оставался для него незавершённым.

Дмитрий добавил:

Григорий: «Виктор Павлович спешил».

В памяти снова возникли три одинаковых бокала. Первое вино оставляло чистое послевкусие. Второе исчезало слишком быстро. Третье начиналось ярко и заканчивалось сухой горечью.

Снаружи гул пресса стал ниже, на несколько секунд стих и возобновился.

Для текста о семейной винодельне материал получался странным. Виктор продолжал присутствовать в комнате своим отсутствием: Мещерский ссылался на его подпись, Никита — на его спешку, Александра защищала отца и одновременно остановила утверждённые им партии.

Дмитрий вспомнил слова Мещерского.

Ночное дежурство входило в работу Никиты. Споры с владельцем — тоже. Александра сказала, что следствие всё проверило.

Сам по себе новый факт ничего не доказывал.

Дмитрий вернулся к клавиатуре.

Никита Ветров был на винодельне в ночь гибели Виктора.

Он перечитал строку.

Можно было поставить рядом вопросительный знак. Получилось бы выразительнее — почти готовый поворот для семейной истории, которую Александра просила не писать.

Но Дмитрий ещё никого не подозревал. Он просто не хотел забыть факт.

Строка осталась в рабочем файле — пока без вопросительного знака.

Глава 3. Суло

Дмитрий посмотрел на время.

До часа оставалось двадцать три минуты.

За окном по-прежнему работал пресс. Его гул успел стать частью комнаты — как шум кондиционера или далёкой дороги: замечаешь, только когда он на секунду стихает.

На экране оставались записи, перенесённые после совещания:

три партии — одна готова;

Виктор настаивал на запуске весной;

Никита был против;

Григорий: «Виктор Павлович спешил».

Отдельной строкой стояло:

Никита Ветров был на винодельне в ночь гибели Виктора.

Дмитрий перечитал её, но ничего не добавил.

Телефон коротко завибрировал.

Сообщение от Инги:

«В 13:00 Никита покажет вам производство. Слово “покажет” не означает, что он этому рад».

Следом пришло второе:

«Вход со служебного двора. Не опаздывайте. Сегодня это может быть воспринято как провокация».

Дмитрий усмехнулся, закрыл ноутбук и надел пиджак. Через несколько секунд снова снял его и оставил на спинке кресла. Судя по тому, что он уже видел в производственном дворе, пиджак там можно было только испортить.

К корпусу он подошёл за две минуты до часа.

Никита ждал возле бокового входа. На нём была тёмно-синяя рабочая куртка с эмблемой винодельни и защитные ботинки, тонкие перчатки были заправлены за ремень. В одной руке он держал прозрачные очки, в другой — ярко-жёлтый жилет.

— Вы вовремя, — сказал он без одобрения.

— Я предупреждён, что опоздание могут счесть провокацией.

— Инга любит превращать обычные требования в угрозы. Так люди лучше запоминают.

Никита протянул ему жилет.

Дмитрий надел его поверх рубашки. Жёсткая ткань топорщилась на плечах, застёжка цеплялась за край кармана. В тёмном стекле двери отразился человек, которого сделали похожим на участника производственного процесса, не дав для этого никаких оснований.

Никита подал ему очки.

— Здесь обязательно?

— В цехе — да.

— Даже для авторов?

— Особенно для авторов. Глаза вам ещё понадобятся для наблюдений.

Очки слегка давили на переносицу. Дмитрий поправил дужки, и Никита открыл дверь.

Изнутри пахло прохладой, металлом, влажным бетоном и чем-то сладковато-кислым. Гудели насосы, по прозрачным трубкам двигалась мутная жидкость, где-то лилась вода, короткими сигналами перекликались погрузчики.

— У меня час, — сказал Никита. — Это не экскурсия. Ничего не трогайте и не уходите туда, где вас не видят.

— А задавать глупые вопросы можно?

— Судя по вашей профессии, это основная часть работы.

Он произнёс это ровно, без улыбки, и пошёл вдоль стены.

По проходу навстречу двигалась тележка с пустыми пластиковыми ящиками. Никита перехватил Дмитрия за локоть и без предупреждения отодвинул за жёлтую линию на полу. Тележка прошла в нескольких сантиметрах.

— За линию не выходить. Здесь люди смотрят на технику, а не на гостей.

— Уже понял.

— Пока нет. Но шанс есть.

Они остановились у ряда стальных ёмкостей. На каждой была табличка с номером, датой и несколькими обозначениями, которые Дмитрию ничего не говорили.

Никита проверил показания на панели и сделал отметку в планшете.

— Вы можете продолжать работать, — сказал Дмитрий. — Необязательно изображать гостеприимство.

— Я его и не изображаю.

— Это заметно.

Никита посмотрел на него.

— Я не понимаю, зачем вам показывать производство. Для презентации достаточно виноградников на закате, старой фотографии Виктора Павловича и пары слов о семейной традиции.

— Судя по вчерашнему совещанию, этого как раз недостаточно.

— Для продажи — вполне.

— А для правды?

— Правда плохо помещается на этикетке.

— Мне заказали не этикетку.

Никита убрал планшет под мышку.

— Вам заказали историю, после которой люди согласятся заплатить за бутылку больше, чем привыкли.

— Это тоже работа.

— Конечно. Одни выращивают виноград, принимают его ночью, следят за температурой, давлением и каждой партией. Другие потом называют всё это «Памятью солнца».

Это прозвучало без злости — как давно накопившееся раздражение человека, слишком часто видевшего, как сложную работу превращают в несколько красивых строк.

Дмитрий выдержал паузу.

— Я не умею делать вино. Но вам всё равно придётся объяснить людям, почему за эту бутылку они должны заплатить больше, чем за соседнюю.

— Вот вы и объясните.

— Сначала придётся понять.

Никита посмотрел на него внимательнее, словно ожидал привычного возражения и не получил.

Из дальней двери вышла лаборантка в белом халате. В руках она несла прозрачную пластиковую бутылку с мутной желтовато-зелёной жидкостью. На крышке была наклеена полоска бумаги с номером партии.

— Никита Андреевич, проба с верхнего участка, — сказала она. — Из того объёма, который вы просили держать отдельно.

Он сразу повернулся к ней.

— Температура на приёмке?

— Девятнадцать и восемь. После охлаждения — двенадцать и четыре.

— Сахар?

— Сейчас проверяем. Предварительно выше основной партии.

Никита взял бутылку и посмотрел на жидкость против света. Она была непрозрачной, с мелкой взвесью и тонким слоем пены у горлышка.

Дмитрий вспомнил вчерашний разговор в кабинете Александры: виноград с верхнего участка сняли позже, часть ящиков стояла на солнце, и Никита настоял, чтобы его не смешивали с основным объёмом.

— Это та партия, которую вчера приняли отдельно? — спросил он.

Никита повернул к нему голову.

— Запомнили?

— Для этого меня и пригласили.

Лаборантка уже направлялась к двери в конце прохода.

Никита вернул ей бутылку.

— Кислотность сразу после сахара. И температуру ещё раз перед анализом.

— Хорошо.

Она скрылась за дверью.

Никита посмотрел на часы. Потом — на Дмитрия.

— Хотите понять — идите.

И, не проверяя, следует ли тот за ним, направился в лабораторию.

Никита шёл быстро, не оглядываясь. Дмитрию оставалось держаться рядом и следить, чтобы ярко-жёлтый жилет не зацепился за выступавшие из стены трубы.

Перед лабораторией проход расширялся. Справа, за невысоким металлическим ограждением, стояли две ёмкости, соединённые прозрачными шлангами. По одному из них медленно двигалась светлая мутная жидкость. В ней плыли мелкие частицы, у стенок собирались пузырьки.

Дмитрий остановился.

— Это уже молодое вино?

Никита тоже остановился, но посмотрел не на шланг, а на него.

— Это сусло. Пока ещё не вино.

— А когда оно решает, что уже вино?

— Оно ничего не решает. Для этого здесь есть дрожжи, лаборатория и люди, которые не должны торопиться.

Никита подошёл к ёмкости и проверил табличку возле панели управления. На ней были указаны номер участка, время приёмки и температура. Затем постучал пальцем по прозрачному шлангу.

— После прессования получаем сусло. В нём есть сахар, кислоты, ароматические вещества — всё, что виноград успел накопить. Потом начинается первое брожение. Дрожжи перерабатывают сахар, появляется алкоголь, и сусло становится вином.

— Готовым?

— Базовым.

— Звучит так, будто его продают в самой дешёвой упаковке.

Никита посмотрел на него без улыбки.

— Базовое — не значит простое или дешёвое. Это основа будущего игристого. Вино, которое ещё не прошло весь путь.

— То, что выдерживалось в бутылках почти три года, когда-то выглядело вот так?

Дмитрий указал на мутную жидкость.

— Не совсем так, но начиналось отсюда.

За ограждением рабочий открыл кран. Тонкая струя сусла потекла в небольшой металлический сосуд. Он закрыл кран, посмотрел жидкость на свет и понёс пробу к соседней установке.

— Для классического игристого первое брожение — только начало, — продолжил Никита. — Потом базовое вино готовят ко вторичному брожению уже в бутылке и оставляют на выдержку.

— И после первого раза оно ещё не должно быть вкусным?

— Оно должно быть правильным.

— Это дипломатичный ответ.

Никита убрал планшет в карман куртки.

— Базовое вино должно пережить ещё одно брожение и несколько лет выдержки. Если сделать его приятным и мягким уже сейчас, к концу пути оно может оказаться тяжёлым и уставшим.

Дмитрий снова посмотрел на шланг. Сусло двигалось по нему медленно, почти незаметно. Только редкие частицы выдавали течение.

— Получается, вы заранее делаете вино не таким, каким хотите его пить?

— Мы делаем его таким, каким оно должно быть в начале пути.

— А потом три года надеетесь, что были правы?

— Потом три года проверяем, насколько были правы.

Они вошли в лабораторию.

После производственного цеха помещение казалось почти бесшумным. Здесь не было тяжёлого оборудования — только белые столы, раковина, несколько небольших приборов, стеклянные колбы и стойки с пробирками. Пахло спиртом, влажным стеклом и чем-то резко фруктовым.

На столе стояли две прозрачные бутылки с мутным суслом. Одна была чуть светлее другой. Возле каждой лежала карточка с номером участка.

Лаборантка опустила в первую бутылку тонкий датчик.

Несколько секунд все смотрели, как меняются цифры на маленьком экране.

— Двенадцать и шесть, — сказала она.

Никита записал температуру в карточку.

Затем она взяла несколько капель сусла, нанесла их на стеклянную поверхность прибора и закрыла крышку.

— Это сахар? — спросил Дмитрий.

— Да.

— И что он показывает?

Никита назвал значение.

— Виноград набрал больше, чем нам нужно.

— То есть перезрел?

— Для этой партии — почти.

Лаборантка повторила измерение с образцом основной партии и положила рядом два листа.

— Разница заметная? — спросил Дмитрий.

— Достаточная, — ответил Никита.

— Какая из них плохая?

— Пока никакая.

— Но одна вам уже не нравится.

— Мне не нравится, когда две партии, которые должны быть близкими, начинают вести себя по-разному.

Никита положил карточки рядом.

— Сахар показывает, сколько материала получают дрожжи и сколько алкоголя мы в итоге наберём. Кислотность — выдержит ли вино дальнейший путь и останется ли свежим. Для игристого нужна ягода, которая успела набрать вкус, но не потеряла кислоту.

— То есть более сладкий виноград не обязательно лучше?

— В виноделии слово «лучше» почти всегда требует продолжения, — сказала Александра от двери. — Лучше для чего?

Дмитрий обернулся.

Она стояла без пиджака, в той же светлой рубашке, что и на совещании. В одной руке держала телефон, в другой — несколько сложенных листов. Волосы были собраны, но одна светлая прядь выбилась у виска.

Никита посмотрел на часы.

— Ты рано.

— Мне сказали, что анализ по верхнему участку уже начали.

Александра подошла к столу.

— Что по сахару?

Никита назвал результаты.

Она нахмурилась.

— Выше, чем утром.

— И выше основной партии. Виноград пришёл теплее, чем должен был.

Дмитрий перевёл взгляд с одного на другую.

— Пока я понял только, что хороший виноград может оказаться неподходящим для конкретного вина.

Александра посмотрела на него.

— Для начала неплохо.

— Особенно для человека, который вчера не знал, что Цитронный Магараха — виноград, — сказал Никита.

— Вчера не знал, — согласился Дмитрий. — Сегодня уже могу произнести без подготовки.

Александра коротко улыбнулась — кажется, неожиданно для самой себя.

— Кислотность будет через несколько минут, — сообщила лаборантка.

Никита взглянул на Александру.

— Пока ждём, покажу ему записи по прошлой партии.

Он направился к стеклянной перегородке в дальней части лаборатории. Александра сложила листы и пошла вместе с ними.

За перегородкой лаборатория переходила в узкое помещение с высокими стеллажами. На них стояли бутылки и небольшие прозрачные ёмкости — десятки образцов с бумажными карточками, датами и номерами участков. Некоторые были почти бесцветными, другие отливали соломой или бледным золотом. На нижней полке лежали толстые журналы в тёмно-синих обложках.

Никита снял один из них и положил на свободный стол.

— Здесь всё, что происходит с партией с момента приёмки винограда.

Он раскрыл журнал ближе к середине. Страницы были расчерчены вручную: дата, участок, температура, сахар, кислотность, решение технолога. В некоторых строках стояли короткие пометки красной ручкой.

— И это нельзя было перенести в компьютер? — спросил Дмитрий.

— Можно. Там тоже есть.

— Тогда зачем журнал?

— Компьютер можно выключить. Файл — потерять. А бумага лежит и помнит, кто именно принял решение.

Никита нашёл запись по верхнему участку. Графы с температурой и сахаром уже были заполнены, место для кислотности пока оставалось пустым.

Дмитрий подошёл ближе к стеллажам.

На карточках повторялись даты, номера участков и короткие обозначения. Иногда одно и то же название встречалось несколько раз, но с разными пометками: «контроль», «после охлаждения», «повторная проба».

— Вы храните каждый образец?

— Не каждый. Только те, которые могут понадобиться для сравнения.

— И долго?

— Пока не станет ясно, что сравнивать больше не с чем.

На верхней полке стояли несколько бутылок с почти прозрачной жидкостью. На одной карточке Дмитрий прочитал: «**Память солнца. Базовое. 2023**».

Рядом лежала тонкая папка с тем же названием.

Он посмотрел на Никиту.

— Можно?

— Вы всё равно уже увидели.

Дмитрий взял папку. На титульном листе было напечатано:

Проект «Память солнца».

Разработка технологии.

Начало работ: 2023 год.

Руководитель проекта: В. П. Северин.

Внутри находились таблицы, короткие отчёты лаборатории и карточки опытных образцов. Цифры Дмитрию почти ничего не говорили, но общий порядок был понятен: участок, дата сбора, температура, сахар, кислотность, принятое решение.

Между отпечатанными листами оказался один, заметно отличавшийся от остальных. Бумага была тоньше и чуть темнее по краям, таблица расчерчена от руки. В нескольких графах стояли значения, рядом — короткие пометки с сильным наклоном вправо. Почерк был мелким, быстрым, с заметным наклоном вправо — совсем не похожим на ровные записи Никиты в журнале. В верхнем углу темнел след от скрепки. Рядом было приписано: «*Аромат нельзя удерживать силой. Ему нужно дать время*». Ни даты, ни подписи Дмитрий не нашёл.

— Это тоже относится к проекту? — спросил он.

Никита взглянул на лист.

— По этим материалам собирали коммерческую партию.

Он ответил не совсем на вопрос и перевернул страницу.

— В двадцать третьем мы уже знали, какой должна быть кислотность базового вина, чтобы после выдержки оно не стало тяжёлым. Знали, когда снимать Цитронный, как быстро охлаждать виноград и какую часть отжатого сусла не использовать.

Дмитрий опустил взгляд на титульную страницу.

— Здесь написано, что разработка началась в двадцать третьем.

Никита не ответил.

Александра несколько секунд смотрела на папку.

— В 2023 году началась работа над коммерческой партией. До этого проводились отдельные испытания с сортом. Не проект.

Слова аккуратно отделили коммерческую партию от того, что ей предшествовало, но ничего не объяснили.

Дмитрий открыл блокнот и записал:

2023 — коммерческая партия. Испытания начались раньше.

Затем закрыл его и вернул папку на стол.

В помещение вошла лаборантка с результатами.

— Кислотность по верхнему участку ниже основной партии. Проверила дважды.

Никита взял лист и сверил цифры с предыдущими записями.

— Насколько критично? — спросила Александра.

— Для основного объёма — достаточно.

Дмитрий посмотрел на бутылки с суслом.

— Потому что виноград слишком сладкий?

— Не слишком сладкий вообще, — ответил Никита. — Слишком зрелый для того базового вина, которое нам нужно.

— Кислотность уже ушла?

Никита поднял на него взгляд.

— Быстро учитесь.

— Это прозвучало почти как похвала.

— Не привыкайте.

Александра продолжала смотреть на результаты.

— Если смешать с основным объёмом?

— Разницу сгладим, — сказал Никита. — И одновременно изменим весь баланс. Потом будем три года выяснять, стоило ли спасать несколько тонн винограда ценой всей партии.

— Значит, не смешиваем.

— Я это говорил ещё вчера.

В его голосе не было торжества. Только усталость человека, который получил подтверждение проблемы и теперь должен был её решать.

Александра не стала отвечать на скрытый упрёк.

— Что предлагаешь?

— Держать отдельно. Вечером повторить анализ, когда температура всей партии выровняется. Потом решить, использовать её для другого базового вина или отправить на отдельную переработку.

— Потери?

— Посчитаем, когда поймём, что именно у нас есть.

Телефон Александры завибрировал. Она посмотрела на экран, но не ответила.

— Хорошо. До повторного анализа ни с чем не смешивать.

Никита вписал решение в последнюю графу журнала:

Отдельное хранение. Повторный анализ после выравнивания температуры.

Александра поставила рядом подпись.

Дмитрий заметил, что даже временное решение здесь требовало двух имён. Никита отвечал за технологию, Александра — за цену ошибки.

Она перевела взгляд на Дмитрия.

— Вы действительно ничего об этом не знали до приезда?

— Почти ничего.

— Даже как делают игристое?

— Я знал, что в нём есть пузырьки.

Она слегка приподняла брови.

— Смелое начало.

— Зато честное.

— Обычно люди стараются скрыть незнание дольше.

— Мне нужно написать текст через двенадцать дней. На притворство уйдёт слишком много времени.

Александра посмотрела на него чуть мягче.

— Разумный расчёт.

— Я вообще думал, что мне дадут готовую историю. Оказалось, здесь даже вино несколько лет выясняет, чем оно станет.

— Иногда люди тратят на это больше времени, — сказала она.

Фраза прозвучала почти случайно. Александра первой отвела взгляд и вернула лаборантке лист с результатами.

— Вечером пришлите мне повторный анализ.

— Хорошо.

Никита поставил журнал на полку и закрыл папку «Память солнца».

— С сахаром, кислотностью и температурой разобрались. Теперь посмотрим, что происходит, когда вино оказывается заперто в стекле.

— Только не перегружай Дмитрия цифрами, — сказала Александра. — Мне нужен автор презентации, а не второй технолог.

— До второго технолога ему далеко.

— Уже ближе, чем вчера.

Она забрала телефон со стола.

— Я пройду с вами. Мне всё равно нужно посмотреть контроль партии.

Никита открыл следующую дверь, и сразу стало на несколько градусов холоднее.

Стены коридора были отделаны гладкими серыми панелями, свет казался белее и жёстче. За прозрачной перегородкой тянулись металлические стойки с бутылками, лежавшими почти горизонтально. На горлышках вместо привычных пробок виднелись плоские металлические крышки.

— Это партия двадцать третьего года? — спросил Дмитрий.

— Часть её, — ответил Никита. — Выдержка закончена, осадок уже собран у горлышка. Сейчас бутылки готовят к дегоржажу.

— К чему?

— К удалению осадка.

— Предпочитаю второй вариант. Его хотя бы можно произнести без репетиции.

Никита не отреагировал.

Работник в защитных очках брал бутылки по одной, медленно поворачивал под яркой лампой и ставил на движущуюся ленту. Одну он задержал дольше остальных. Провёл пальцем по горлышку, снова поднял бутылку к свету и без объяснений опустил в отдельный пластиковый ящик.

Дмитрий подошёл ближе.

— Что с ней?

— Скол на венчике, — ответил Никита. — Почти незаметный.

Дмитрий посмотрел на бутылку, но ничего не увидел.

— И из-за этого её бракуют?

— Из-за этого не выпускают дальше. Под давлением «почти» — плохое слово.

Никита указал на тёмное стекло.

— В базовое вино добавляют точно рассчитанное количество сахара и дрожжей. Бутылку закрывают временной металлической пробкой. Начинается вторичное брожение, углекислый газ образуется внутри и уже не может выйти.

Дмитрий посмотрел на уходившие в глубину ряды.

— А проще нельзя? Взять готовое вино и добавить газ?

Никита повернулся к нему с таким выражением, будто вопрос касался не технологии, а личной порядочности.

— Можно насытить готовое вино углекислотой. Это другой способ и другой продукт. Здесь пузырьки не добавляют извне. Они появляются во время вторичного брожения внутри бутылки.

— То есть бутылка несколько лет находится под давлением?

— Да. Поэтому стекло толще, температура контролируется, а каждое повреждение проверяют до того, как бутылка окажется у человека в руках.

Дмитрий снова посмотрел на отбракованную бутылку.

— Я думал, пузырьки — украшение.

— Украшение не требует нескольких лет работы и защитного экрана.

Они прошли вдоль линии. В её конце бутылки стояли почти вертикально, горлышком вниз. Возле каждой пробки собирался тёмный осадок.

— Его потом удаляют?

— Горлышко замораживают и открывают бутылку. Давление выбрасывает ледяную пробку вместе с осадком. Потерю вина восполняют, ставят постоянную пробку — и снова всё проверяют.

— Сколько здесь возможностей всё испортить?

— Достаточно, чтобы ни одну из них не оставлять на последний день.

Никита остановился возле контрольного стола. На нём лежала карточка партии с датами, температурными отметками и короткими записями по этапам выдержки.

— Давление начинается не здесь, — сказал он. — Оно начинается с расчёта. Ошиблись с сахаром — получили не то давление. Ошиблись с дрожжами — брожение пошло не так. Перегрели бутылку — ускорили процесс, который нельзя торопить. Пропустили повреждение стекла — рискуют уже не только вином.

— А если через два года выяснится, что расчёт был неверным?

— Значит, два года назад кто-то принял неверное решение.

Дмитрий провёл взглядом по карточке. Всё было разбито на даты, подписи и короткие отметки. Ошибка здесь не исчезала со временем — она просто дольше шла к поверхности.

Александра подошла к линии.

— Контроль по первой стойке закончили?

— Да, — ответил работник. — Одна бутылка в отбраковку из-за стекла. Контрольные образцы в пределах расчётного диапазона.

— Продолжайте.

Никаких вопросов о потерях или сроках она не задала: здесь решение уже было принято за неё цифрами.

Дмитрий кивнул на бутылки за перегородкой.

— Никита объясняет, что пузырьки — не украшение.

— Пузырьки — последнее, что видит покупатель, — сказала Александра. — Но ради них приходится контролировать почти всё остальное.

Дмитрий повернулся к ней.

— Это уже похоже на текст.

— Только не пишите слово «магия».

— Вы лишаете меня лучших инструментов.

Она коротко улыбнулась.

— Значит, придётся найти инструменты получше.

— «Многолетняя дисциплина, запечатая в бутылке»?

— Уже ближе.

— Но немного похоже на исправительное учреждение.

— Тогда продолжайте искать.

Никита взял карточку партии и перевернул её.

— Здесь не только дисциплина. Всё должно быть рассчитано заранее: сахар, дрожжи, температура, время. Когда бутылка закрыта, возможность что-то исправить почти исчезает.

— Почти?

— Можно остановить выпуск партии. Исправить то, что уже произошло внутри неё, нельзя.

Дмитрий взглянул на Александру.

— Значит, вино несколько лет живёт с последствиями одного решения.

— Как и всё остальное, — ответила она.

На этот раз никто не улыбнулся.

За перегородкой бутылки продолжали двигаться по линии — одинаковые снаружи, каждая со своим расчётом, своей выдержкой и собственным запасом давления.

Никита вернул карточку работнику.

— Здесь закончили.

Он направился к выходу. Александра пошла рядом, Дмитрий — следом.

У двери Дмитрий ещё раз оглянулся на отдельный ящик.

Скол на горлышке отбракованной бутылки он так и не увидел. Но теперь уже понимал, почему этого было достаточно.

Из прохлады корпуса они вышли в служебный двор.

После ровного гула оборудования пространство казалось почти тихим. За дальним зданием работал погрузчик, изредка подавая короткий сигнал при движении назад. По бетону после мойки ящиков текла вода, унося в желоба виноградную пыль, листья и раздавленные ягоды.

Солнце уже поднялось высоко. Белые стены корпусов резали глаза, нагретый воздух пах мокрым камнем, металлом и сладковатым соком.

Под навесом Александра остановилась и взглянула на часы.

— Для первого знакомства достаточно?

— Пока да, — ответил Никита.

— Звучит так, будто я пережил испытательный срок, — сказал Дмитрий.

— Вы только узнали, что он существует.

Со стороны ворот раздался гудок. На площадку медленно въехал грузовик с невысокими пластиковыми ящиками. Возле весовой его уже ждали двое работников.

Александра проследила за машиной, но осталась под навесом.

Дмитрий достал блокнот.

— Можно ещё один вопрос?

— Вы всё утро их задаёте.

— Этот не про сахар.

Никита повернулся к нему. Александра насторожилась, но разрешила продолжать коротким кивком.

— В материалах сказано, что Виктор Павлович разработал концепцию «Памяти солнца» в двадцать третьем году. Но сегодня выяснилось, что к этому времени основные технологические решения уже существовали.

Она помолчала.

— Отец принял решение запустить проект, — сказала Александра. — Выделил деньги, утвердил технологию и довёл вино до коммерческой партии.

— Это не одно и то же, — произнёс Никита.

— Никита.

Он сжал губы и отвернулся к воротам.

— Для презентации вам достаточно знать, что проект реализован Виктором Севериным, — продолжила Александра.

Фраза прозвучала спокойно и почти исчерпывающе. Но Дмитрий уже научился слышать, насколько тщательно здесь выбирают слова.

Он не стал ничего записывать. Выбранный ею глагол и так запомнился.

От весовой к ним быстрым шагом направлялся мужчина в серой рабочей рубашке. В одной руке он держал накладную, другой указывал на прибывшую машину.

— Александра Викторовна, у нас расхождение по весу. И водитель говорит, что второй прицеп задержится минимум на час.

Она взяла лист.

— Насколько?

Мужчина назвал цифру.

— Проверяли повторно?

— Дважды.

Александра пробежала глазами накладную.

— Пока не разгружать. Свяжитесь с поставщиком и уточните вес при отправке. Возьмите пробы из верхних ящиков и замерьте температуру. Результаты передайте мне и Никите.

— Хорошо.

Работник вернулся к площадке.

Александра направилась к весовой, но через несколько шагов обернулась.

— Покажи Дмитрию то, что относится к производству.

— А что здесь к нему не относится?

— Семейная история.

Сказано это было негромко, но жёстче, чем всё, что звучало прежде.

Затем она обратилась к Дмитрию:

— Через час Инга пришлёт обновлённые материалы. После обеда обсудим структуру текста.

— Хорошо.

У грузовика рабочие расступились, освобождая ей дорогу. Через несколько секунд Александра уже слушала водителя и сверяла его слова с накладной.

Под навесом стало тихо. Слышались только короткие сигналы погрузчика и плеск воды в бетонном желобе.

— Похоже, граница между производством и семейной историей здесь проходит не очень ровно, — сказал Дмитрий.

Никита следил за людьми возле грузовика.

— Здесь много чего провели неровно. Потом сверху нарисовали красивую линию.

— Для презентации?

— Для всех.

Дмитрий закрыл блокнот, но оставил его в руке.

— Вы не хотите, чтобы я написал версию Виктора Павловича.

— Я не знаю, что именно вы собираетесь писать.

— Пока не знаю и я.

— Тогда у вас есть преимущество.

— Какое?

— Вы ещё можете не повторить то, что вам дадут.

Утром Никита казался Дмитрию человеком, которого раздражало всё сразу: чужое присутствие в цехе, неправильная температура винограда, рекламные тексты как явление. Теперь в его резкости проступало что-то другое. Не желание раскрыть тайну — скорее нежелание ещё раз помочь её сохранить.

— Кто придумал «Память солнца»? — спросил Дмитрий.

Никита промолчал.

У весовой Александра подняла голову. На таком расстоянии невозможно было понять, смотрит ли она в их сторону или просто следит за машиной.

Дмитрий не открыл блокнот. Он держал его в опущенной руке и ждал, не пытаясь заполнить молчание следующим вопросом.

Никита перевёл взгляд на блокнот, затем снова на Дмитрия.

— Вы приехали писать историю вина?

— Да.

— Тогда хотя бы не начинайте её с неправды.

Он ещё раз посмотрел в сторону весовой. Александра уже говорила с водителем, свёртывая что-то в накладной. Вокруг неё двигались люди, подъезжали ящики, звучали короткие команды — привычный порядок, который она удерживала одна за другой принятыми решениями.

Никита словно всё ещё мог промолчать.

Потом встретил взгляд Дмитрия.

— Это вино не Виктор Павлович придумал.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.